

Шарль Бодлер

Ц
В
Е
Т
Ы

З
Л
А

в переводе

Вадима Шершеневича

Шарль Бодлер

Цветы Зла

Перевод Вадима Шершеневича

Deciz - sc.

G Rochegrosse

ШАРЛЬ БОДЛЕР

ЦВЕТЫ
ЗЛА

*Перевод
Вадима Шершеневича*

Водолей
Москва
2017

Бодлер Ш.

Б75 Цветы Зла / Перевод Вадима Шершеневича. – М.: Водолей, 2017. – 344 с.

ISBN 978–5–91763–361–9

Знаменитая книга стихов «Цветы Зла» классика французской литературы Шарля Бодлера издается в переводе прославленного поэта-имажиниста Вадима Шершеневича (1893–1942). Лишь два стихотворения из этого перевода, выполненного в 1933–1940 годах, было опубликовано в журналах при жизни поэта; еще около двух десятков – в 1990-е – 2000-е годы. Между тем «авторский» Бодлер Шершеневича оказался единственным, сохраняющим форму оригинала и притом полностью законченным. В отличие от первых публикаций (изд-во «Водолей», 2007 и 2009), в книге воспроизведены иллюстрации парижского издания 1910 г. Выход книги приурочен к 75-летию со дня смерти переводчика.

УДК 821.133.1

ББК 84 (4Фра)

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Эта работа, начатая мною в 1933 году и беспрестанно исправлявшаяся в течение семи лет, конечно, не закончена. Всякий лирический перевод не имеет конца, не может быть совершенен и должен подвергаться исправлениям до конца жизни переводчика.

Тем не менее, я рискую представить на суд читателя этот девятый вариант перевода. Мне кажется позорным, что мы до сих пор не имеем «Цветов Зла» на русском языке полностью, если не считать перевода Эллиса, сделанного с подстрочника, так как переводчик почти не знал французского языка.

Отдельные стихотворения Бодлера переводили многие. Есть переводы отдельных стихов лучше, чем мои переводы, но мой перевод имеет то преимущество, что он полный.

Эллис, как яркий декадент, придал переводимому им Бодлеру черты демонизма и католицизма, словно это не Бодлер, а Барбе Д'Оревилю. Отдельные переводы И. Анненского, В. Иванова и Бальмонта приукрашивали Бодлера мистикой и символическими красотами.

Как это ни странно, но ближе всего понял Бодлера Якубович-Мельшин, сумевший за изображением грязи и мерзости рассмотреть душу поэта, не любующуюся этой мерзостью, а пугающуюся ею, бегущую от нее и взывающую к Идеалу.

Однако слабая поэтическая техника Якубовича превратила стилистически Бодлера в некую «надсониаду»; в послесловии Якубович был вынужден признать, что он прибавлял в своем переводе чуть ли не 30–40% строк к каждому стихотворению Бодлера, отказался от многочисленных сонетов и зачастую печатал не перевод Бодлера, а подражание Бодлеру.

Не правы те, которые предполагают, что перевод Бодлера должен явиться только учебником для молодых поэтов. Бодлер – это редкий пример ортодоксальной и непримиримой борьбы с окружающей действительностью; Бодлер – это борец за душевную чистоту, это гимн юности и здоровью, это вопль поэта, увидевшего в зеркале жизни себя, больного окружающей пошлостью. И с этой точки зрения Бодлер должен быть не только интересен, но и дорог и близок нашему читателю.

Мне остается сказать несколько слов о принципах моего перевода.

Я старался сохранить в неприкосновенности форму стихов Бодлера, сохранив его размеры, его способы рифмовки, его количество строк. Эти правила, конечно, обязательны для каждого переводчика. Но сохранить их было нелегко, так как форма Бодлера очень изощрена и необычна, а обилие сонетов, этой труднейшей формы, еще более затрудняет переводчика.

Бодлер своеобразен. Он любит инверсии, любит переносы слов из строки в строку, пишет сонеты на две рифмы, часто прибегает к неточным рифмам. Я считал себя обязанным передать нашему читателю эти особенности Бодлера. Мне хотелось дать не «причесанного» Бодлера, а своеобразие поэта, поэтому я не приглаживал образы и выражения и не старался сделать Бодлера «покрасивее» и «подоступнее». Как для того, чтоб понять красоту Вергилия, надо знать латинский язык, так для того, чтобы понять Бодлера, надо изучить его язык.

У нас существует ложная теория упрощенчества перевода в угоду мнимой «читабельности», при которой изумленный читатель предполагает, что Корнель, Мольер, Рембо и Бодлер писали одной и той же «средней» манерой. Мне

казалось более правильным сохранить все трудности оригинала. Иначе получается, как правильно отмечает В. Брюсов, «даже не гипсовый слепок с мраморной статуи, а описание этой статуи, сделанное добросовестно, дающее о ней сведения, но не производящее никакого художественного впечатления».

Стараясь сгладить слишком большую смелость и оригинальность Бодлера, переводчики полагают, что читатель – это ребенок, которому надо дать что-то «попроще». Ссылки на то, что разность языков русского и французского требует отступлений, замены одного образа другим, якобы более свойственным русскому языку, есть тоже не что иное, как боязнь не справиться с оригиналом или опека над читателем. Совершенно прав Фет, писавший: «Главная задача в возможной буквальности перевода; как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала, тогда как в переводе, гонящемся за привычной и приятной читателю формой, последний большей частью читает переводчика, а не автора».

Слепо следуя завету Брюсова и Фета, я ставил своей задачей наивозможнейшую точность, зачастую в ущерб пресловутой и всегда несколько подозрительной «красивой легкости» перевода. Этим я отнюдь не хочу сказать, что мой перевод безупречен. Напротив: я более любого другого вижу его недостатки, но лучше я сделать, очевидно, не мог, и «красивив» его, я не улучшил бы, а опошил бы свою многолетнюю работу.

Текст Бодлера, обычно печатаемый, имеет некоторые разночтения с изданием «F. Ferroud, successeur, Paris, 1910», которое мы предпочли остальным. В этом издании имеются также все стихи, изъятые из первого издания «Цветов

Зла» и позже не печатаемые по цензурным соображениям. Чтобы читателю было легче следить за нумерацией стихов, мы перенесли эти изъятые стихотворения в отдельный раздел в конце книги, оставив нумерацию обычного издания.

Заранее оговаривая, что всякий перевод неизбежно связан с некоторыми «утечками», мы будем очень признательны за все указания, когда эти «утечки» слишком существенны; в ряде стихотворений имеется возможность различных толкований тех или иных строк; мы будем также признательны за любое доказательство более правильного толкования, так как не считаем эту работу непогрешимой и, кроме того, как признали в самом начале этого предисловия, не считаем ее ни законченной, ни могущей быть законченной.

<1940>

~ ЦВЕТЫ ЗЛА ~

Непогрешимому по ту
всесильному чародею
французской литературы
моему дорогому и уважаемому
учителю и другу
ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ
как выражение полного преклонения
посвящаю
ЭТИ БОЛЕЗНЕННЫЕ ЦВЕТЫ
Ш.Б.

~ LES FLEURS DU MAL ~

ВСТУПЛЕНИЕ

<AU LECTEUR>

Нам разрушая плоть, рассудок наш терзают
Безумие, и страх, и скарედность, и вздор.
Собою совести любезный нам укор
Питаем так же мы, как нищий вшей питает.

В грехах – упорны мы, в раскаяньи – трусливы;
За все дела себе мы щедро воздаем;
Мы омерзительным путем, смеясь, идем,
Мечтая пятна смыть своей слезой гадливой.

На изголовьи Зла наш разум усыпляет
Сам Дьявол-Трисмегист; им ум обворожен;
И дорогой металл душевной воли он,
Алхимик и мудрец, до дна в нас испаряет.

И в отвратительном находим мы отраду;
Сам Дьявол держит нас в волнующих сетях,
И сквозь зловонный мрак, позабывая страх,
Мы с каждым днем на шаг подходим ближе к аду.

Как мучимую грудь блудницы очень дряхлой
Целует и сосет развратник и бедняк,
Восторги тайные, спеша, ворует так
И выжимаем их, как померанец чахлый.

Как легион червей, в мозгу у нас толпою
Пируют демоны и топчутся гурьбой.
Лишь стоит нам вздохнуть, – Смерть с жалобой глухой
Нисходит в легкие незримою струею.

Коль яд, насилие, кинжал и даже пламя
Еще не вышили рисунок свой смешной
На жалком жребии, как на канве простой, –
Лишь потому, что мы не с храбрыми сердцами!

Среди шакалов, змей и гадов безобразных,
Средь коршунов, пантер, и обезьян, и псов,
Средь чудищ, где и визг, и вой, и шип, и рев,
В зверинце низменном пороков наших разных, –

Одно всего подлей и гаже несравненно;
В нем жестов грозных нет и воскриков нет в нем.
Оно проглотит шар земной одним глотком
И землю превратит в развалины мгновенно, –

То – Скука! Полня глаз невольною слезою,
Она «хука» дымит, взмечтав про эшафот.
Тебе знаком ли тот изнеженный урод, –
Ханжа-читатель мой, мой брат, двойник со мною?!

~ ХАНДРА И ИДЕАЛ ~

< SPLEEN ET IDÉAL >

1.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ
<BÉNÉDICTION>

В тот самый час, когда, по воле высшей силы,
Поэт был матерью на скучный свет рожден,
Испуганная мать хулу заголосила,
Вздвев к Богу кулаки, – и жалобам внял он.

– «О, лучше бы узлом ехидн мне оцниться,
Чем молоком своим посмешище питать!
Я проклинаю ночь, где страсть недолго длится,
Когда во чреве я могла позор зачать!

И хоть тебе избрать меж женщин было надо
Меня, чтоб стала я для мужа невтерпеж,
Хоть, как письмо любви, уродливого гада
Отныне в пламени, конечно, не сожжешь, –

Но ненависть твою, что бременем я чую,
Я вымещу на нем, твоим орудья злоб,
И это деревцо несчастное скручу я,
Чтоб почек выпустить зловонных не могло б!»

Не в силах уяснить извечный план вселенной
И брызжа пеною и желчью пополам,
Она готовила себе среди Геенны
Костер, назначенный преступным матерям.

Но, охраняемый в невидимой опеке,
Ребенок-сирота луч солнышка впивал;
Во всем, что только пил, во всем, что кушал, – некий
Он нектар розовый с амброзией вкушал.

Беседу с тучкой вел он, с ветерком играя,
И, напевая, шел, и крест тяжелый нес,
И Ангел, шедший вслед, поэта наблюдая,
Что веселей был птиц, сдержат не в силах слез.

Всех возлюбив, поэт встречал лишь подозренья;
От кротости его смедея с каждым днем,
Все слушали: кому свои возносит пени,
Жестокость испытать хотели все на нем.

В его вино и хлеб подмешивали скверны,
И пепел сыпали порой в его обед,
И всё, что трогал он, швыряли лицемерно,
Не ставили свой шаг в оставленный им след.

Его жена твердит на площадях публичных:
– «О! Так как хочет он меня боготворить,
Заняты воскрешу я идолов античных
И, как они, хочу позолоченной быть!»

Пресыщусь нардами и мирру воскурю я,
Найду забвение и в пище, и в вине!
Из сердца, что в меня так влюблено, смогу я
Исторгнуть почести божественные мне!

Когда же от забав кощунственных устану,
Всю силу слабых рук я возложу на нем,
До сердца милому проборожу я рану
На когти гарпии похожим коготком.

Я сердце красное из тела мужа выну,
Как из гнезда птенца, что бьется и дрожит,
И на землю моей любимой кошке кину
С презрением, чтоб был зверек любимый сыт».

Презрев на небесах великолепье трона,
Благочестиво длань Поэт вверх воздымал,
И, источая блеск, рассудок просветленный
Народы злобные от взора сокрывал.

«Благословен Господь, дарующий страданье,
Лекарство чудное от наших нечистот!
Готова силы нам для светлого желанья,
Как масло лучшее оно на душу льет.

И твердо знаю я, что место для поэта
Ты средь Архангелов счастливых сохранил
И призовешь меня, Господь, на место это
В день вечный праздника Властей, Престолов, Сил.

Я знаю: только скорбь дает нам сан нетленный,
Не опороченный ни адом, ни землей.
Я подать всех веков и дань со всей вселенной
В венец таинственный вплести обязан свой.

Пальмиры древностной забытые камни,
Металлы тайные и перлы всех морей,
Что ты, Господь, извлек, – они ничто в сравненьи
С той ослепительной короною моей.

Корона спаяна лучом первоначальным
Святого очага, – и с блеском тех огней
В сравненьи кажется подобием печальным
И тусклым зеркалом огонь людских очей!»

2.

АЛЬБАТРОС

<L'ALBATROS>

Для развлечения порой толпе матросов
Случается морских огромных птиц словить,
Дорожных спутников, ленивых альбатросов,
За судном любящих по горьким безднам плыть.

Воздушный царь! Едва на палубные доски
Он брошен, как тотчас становится смешон;
Большие два крыла белеющие – плоско,
Как весла по бокам, влачит неловко он.

Крылатый путник! Стал ты дряблый и неловкий!
Прекраснейший пловец! О, как уродлив ты!
Один матрос сует в клюв трубку для издевки,
Другой – передразнил походку хромоты.

Поэты! Схожи вы с заоблачным владыкой,
Кому смешна стрела, кто близок был ветрам!
Вы также изгнаны на землю, где средь гика
Крыло гигантское ходить мешает вам!

3.

ВОЗНОШЕНИЕ

<ÉLÉVATION>

Чрез озера и горы, долины и шхеры,
Чрез леса, облака и над далью морской,
Выше к солнцу и выше, чем воздуха слой,
За пределы усеянной звездами сферы, –

Ты, мой разум поэта, проворно летишь,
Как отличный пловец, издеваясь над бурей,
В сладострастии невыразимом, в лазури
Ты безмерность пространства, смеясь, бороздишь.

От заразных миазмов стремись далеко ты,
Чтоб очиститься, в высший простор ты взлети,
Как божественно чистый напиток, глотай
Светозарный огонь, что наполнил пустоты.

Позабыв про врагов и что над бытием
Нашим тяжко довлеют печали пустые,
Счастлив тот, кто сумеет в пространства иные
Вознести себя кверху могучим крылом!

Тот, чьи мысли, подобные ласточке скорой,
В поднебесье стремят свой свободный полет, –
Тот, над жизнью вспарив, без усилий поймет
И вещей немоту, и цветов разговоры.

4.

СООТВЕТСТВИЯ
<CORRESPONDANCES>

Природа – это храм; колонн оживших ряд
Невнятные слова порою испускает.
Сквозь чашу символов в храм люди проникают,
За ними символов следит привычный взгляд.

Как эха дальнего сливаются раскаты
В один глубокий гул и мрачный, и глухой,
Обширный, словно ночь иль яркий свет дневной, –
Так соответствуют звук, цвет и ароматы.

Есть запахи свежей, чем тело у ребят,
И зеленой лугов, гобоя звуков резче;
– В других есть торжество, богатство, и разврат,

И откровение незавершенной вещи;
Так амбра с мускусом, бензой и фициам
Вещают про восторг ума и чувства нам.

5.

О тех нагих веках люблю воспоминанья,
Когда Феб золотил охотно изваянья;
Мужчина с женщиной, проворны и легки,
Вкушали сладко жизнь без лжи и без тоски.
Влюбленно небеса людей ласкали спины,
Здоровье множили высокой их машины;
Сибелла, щедрая в дарах любви своей,
Тогда не числила обузой сыновей;
И, нежностью ко всем исполнена, волчица
Сосцами смуглыми давала всем кормиться.
Мужчина стройный мог, в могуществе своем,
Гордиться красотой и зваться королем
Нетронутых плодов и девственниц, чье тело
Упруго-крепкое укусов захотело.

Когда ж теперь Поэт захочет оживить
Величье прошлое и сможет посетить
Места, где встретится с людскою наготою,
Он холодно чувствует, что овладел душою
Пред черным зрелищем, где ужасы живут!
Уроды страшные о платье слезы льют!
Обрубки жалкие! Их торс, корсетом сжатый!
Тела искривлены и вялы иль пузаты!

Их в детстве пеленал нещадною рукой
В свивальник бронзовый бог Выгоды земной.
Вы, женщины, бледны, как свечи восковые,
Распутством съедены; вы, девы молодые,
Наследственно в крови покоите своей
Гнусь плодородия, пороки матерей!

Да, правда: есть краса у нас, племен разврата,
Народам древности безвестная когда-то.
Изъязвленных сердец на лицах след видней,
И чтут его красой изнеженных людей.
Но ложь поэзии больной и запоздалой
Народам страждущим вовеки не мешала
Почтенье воздавать той юности святой,
Чей лоб всегда открыт, взор ясен, вид простой.
Текущую струю собой напоминая,
Ты, Юность, шествуешь, окрест распространяя,
Как синева небес, как птицы и цветы,
Свой аромат, и песнь, и сладость теплоты.

6.

МАЯКИ

<LES PHARES>

О Рубенс! Ты – поток забвения, сад лени,
Подушка плоти ты, где плоть любить нельзя,
Но где обильна жизнь и так полна волнений,
Как воздух в небесах и средь морей – струя.

Да Винчи! Зеркало, где мрак глубин несносен;
В нем прелесть ангелов; в улыбке сладкой ртов
Всё тайн полно; они являются из сосен,
Каймящих этот край, из мрака ледников.

Рембрандт! Ты – лазарет, где горький ропот гнета
И лишь распятие украшено одно;
Молитвы плачущих иссушат нечистоты,
И только луч зимы осветит полотно.

О Микель Анджело! Геракл в пустыне дома
Мне явлен; смешан он причудливо с Христом,
А справа, в сумерках, огромные фантомы
Рвут саван на себе протянутым перстом.

Бесстыдство фавново, боксерский гнев обрел ты,
Сумевший показать нам каменщиков боль,
О сердце гордое, о немощный и желтый
Пюже нерадостный, кандальников король!

Ватто! Ты – карнавал; как бабочки порхая,
Сердца известные пылают и снуют;
Свечей легчайший свет и мебель дорогая
На бал кружащийся свое безумье льют.

О Гойя! Ты – кошмар безвестного проклятья,
Где варят к шабашу зародышей в котлах,
Старухи с зеркалом и девочки без платья,
Соблазн для демонов в приподнятых чулках.

Делакруа! Ты – пруд, где бродят злые духи;
Он елей зеленью извечной осенен,
Под небом жалобным фанфары странно глухи
И так придавлены, как Веберовский стон.

Проклятья, жалобы и богохульство смеха,
Восторги, крики, стон, молитвы, наконец,
О повторенное в ста лабиринтах эхо, –
Чудесный опиум вы для людских сердец.

Вы крик, что часовой стократно повторяет,
Приказ, что передан сквозь сотню рупоров,
И зов охотников, что по лесу блуждают,
И отблеск в крепостях зажженных маяков.

И доказательств нет прекраснее на свете,
Чем то свидетельство величия людей,
Тот плач, катящийся к столетью от столетья,
Чтоб умереть, Господь, у вечности твоей.

7.

БОЛЬНАЯ МУЗА

<LA MUSE MALADE>

О Муза бедная! Ах! Утром что с тобой?
Виденья полночи зрачок твой населили,
Безумие и страх холодный и немой
По очереди след на лбу пробороzдили.

Зеленый ли суккуб иль красный домовой
В тебя из урн любовь и ужас перелили?
Иль лапы властные кошмаров облик твой
В таинственный Минтурн упрямо погрузили?

Я жажду, чтоб твой мозг, вдохнувший аромат
Здоровья, мыслями стал мощными богат;
Кровь христианская размеренно текла бы,

Как многочисленный старинный звук силлабы,
Где правят в свой черед то Феб, отец стихов,
То Пан Великий, бог и властелин хлебов.

8.

ПРОДАЖНАЯ МУЗА

<LA MUSE VÉNALE>

О Муза сердца, ты, влюбленная в чертог!
Найдешь ли в Январе, швыряющем ветрами
И оснеженными со сплином вечерами,
Хотя бы головню для посиневших ног?

На мрамор плеч твоих лучей полночных пламя
Проникнуть сможет ли меж ставенных досок?
Как пересохший рот, так пуст твой кошелек, –
Наполнишь ли его небесными дарами?

О, нет! Должна, чтоб хлеб насущный свой сыскать,
Паникадило ты, как певчий, раздувать,
Сама не веря, петь псалом ежевечерне;

Иль, как голодный шут, на площади большой,
Со смехом, смешанным с незримою слезой,
Раскрыть свой балаган для развлечения черни.

9.

ДУРНОЙ МОНАХ
<LE MAUVAIS MOINE>

Монахи в древности на стенах выставляли
В изображениях лик Истины святой,
Чтоб благочестье чувств картины оживляли,
Смягчая холодность суровой жизни той.

Во дни, когда Христа посева возрастали,
Монах известный – он теперь забыт молвой –
Избрал для мастерской поля, где погребали,
И там прославил Смерть со всею простотой.

– Но я – монах дурной! Моя душа – могила!
Я от нее бегу, но в ней живу. Унылый
Свой монастырь ничем не украшаешь ты,

Ленивый послушник! Когда же превращу я
Любовь моих очей, работу рук простую
В живое зрелище печальной нищеты?!

10.

ВРАГ

<L'ENNEMI>

О юность! Ты была лишь мрачною грозюю,
Кой-где луч солнечный сквозь сумрак проходил;
Опустошенье дождь и гром внесли такое,
Что бедный сад плодов почти не сохранил.

Забота осени теперь владеет мною.
Я должен в руки взять лопату и скребок,
Чтобы пласты земли, размытые водою,
До дыр, как бы могил, я обработать смог.

Но новые цветы – о них я грежу ныне! –
Питанье тайное отыщут ли в куртине
Размытой, как песок, чтоб сил набрался плод?

О скорбь! О скорбь моя! Жизнь время пожирает,
Из сердца темный Враг усердно кровь сосет
И, обескровив нас, растет и распухает.

11.

НЕУДАЧА
<LE GUIGNON>

Чтоб тяжкий груз поднять живущий мог,
Иметь, Сизиф, твое упорство надо!
Как счастлив тот, кому в труде – отрада, –
Мал Времени, Искусства – долог срок.

Душа, вдали гробницы золоченой,
Заброшенный погост окрест ища,
Как в барабан приглушенный треща,
Идет и марш играет похоронный.

– Сокровища схоронены в земле
И спят они, забытые во мгле,
От заступа и бурава далеко!

И горестно, что часто аромат,
Что сладостней всех тайн, цветы струят,
Растущие в пустыне одинокой.

12.

ПРЕЖНЯЯ ЖИЗНЬ**<LA VIE ANTÉRIEURE>**

Под портиком большим я прожил лет немало.
Морское солнце там швыряло сноп лучей;
Величие колонн их, в прямоте своей,
Базальту под вечер такими ж возвращало.

И отражение небес среди зыбей
Величественно и таинственно мешало
С богатой музыкой играющего вала
Закатные цвета, – для радости очей.

Ах, долго прожил там я в сладостном покое,
В блестящей синеве и меж морских валов,
Средь благовония моих нагих рабов,

Что обведали лоб мне пальмовой листвою
И чьей единственной заботой было знать
Те скорби, от каких я продолжал страдать.

13.

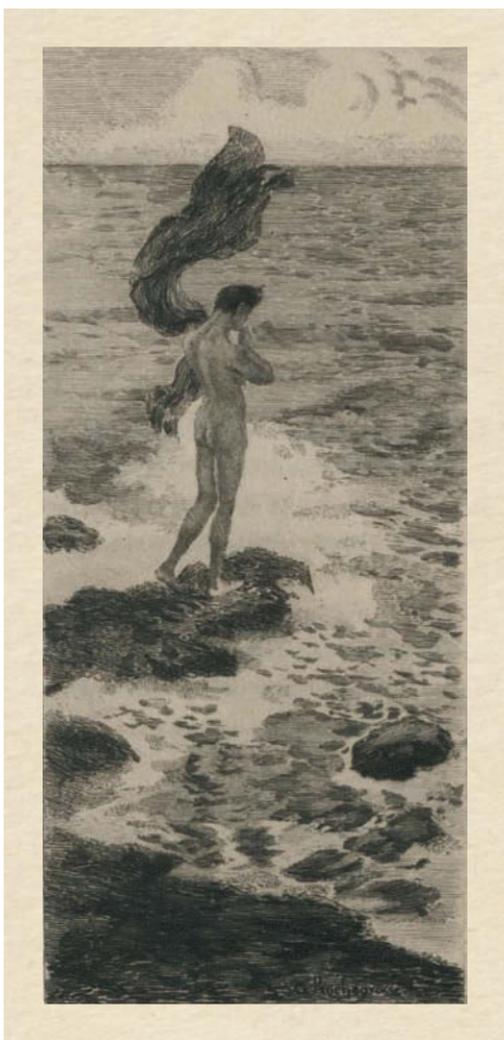
ЦЫГАНЕ В ПУТИ
<ВОНÉМИЕНС ЕН ВОУАЖЕ>

Народ пророческий, сияньем глаз блистая,
Пустился в путь, неся за спинами детей
Или сокровище свисающих грудей,
Всегда готовое, им, жадным, отдавая.

Мужи идут пешком, оружием сверкая,
Вблизи скрипучих арб, где скученность семей,
И к небу тяжкий взор задумчивых очей
С отсутствующими мечтами устремляя.

Приметив путников из крепости песков,
Кузнечик песнь свою удваивать готов;
Сибелла, их любя, прикажет из гранита

Потечь воде ручья, произрастать цветам
И зелень обновит пред теми, чьим очам
Грядущих сумерек владычество открыто.

14.

ЧЕЛОВЕК И МОРЕ
<L'HOMME ET LA MER>

Свободный человек любовью к морю полн.
То – зеркало твое. Свою ты видишь душу
В движеньи вечном волн, прибором бьющих в сушу;
И, словно разум твой, горька пучина волн.

Как радостно тебе, уткнувшись в лоно ликом,
Глазами и рукой ласкать его. Порой
От гула своего дух отдыхает твой
В печальном ропоте неумолимо диком.

Вы оба – мрачные и скрытные, увы!
О человек! Никто твоих глубин не смерит,
А море никому богатства не доверит,
И оба прячете ревниво тайны вы.

Уже века, забыв пощаду для проклятья,
Ведете вы войну жестоко меж собой:
Так любите вы смерть, так любите вы бой,
О вечные бойцы, безжалостные братья!

15.

ДОН ЖУАН В АДУ
<DON JUAN AUX ENFERS>

В тот час, когда, сойдя в подземное жилище,
У волн Харону свой обол Жуан вручил,
Как гордый Антисфен, угрюмый этот нищий
Рукою мстителя свое весло схватил.

Кружились женщины под черным небосклоном,
Вниз груди опустив, наряд раскрывши свой,
Подобные стадам, на жертву принесенным,
Они Жуану вслед кидали долгий вой.

И Сганарель просил отдать долги со смехом;
Трясущимся перстом седой Луис грозил,
Кивая мертвецам, блуждающим по вехам,
На сына-наглеца, кем опозорен был.

Эльвира, в трауре, худая, с дрожью стана,
Вблизи обманщика, кто был любовник ей,
Молила ей отдать последний смех Жуана,
В котором бы сквозил зной первых их ночей.

Из камня исполин, в доспехах, не сгибаясь,
Через реку черную ладьи направил путь;
В спокойствии герой, на шпагу опираясь,
С кормы ни на кого не захотел взглянуть.

16.

ТЕОДОРУ ДЕ БАНВИЛЮ
<A THÉODORE DE BANVILLE>

– 1842 –

Ты, кистью волосы богини захвативший
Насколько только мог, вид приобрел такой
Беспечной красоты и облик мастерской,
Как бы распутник, ниц любовницу сваливший.

Твой полон ясный взор стремительных огней,
Спесь зодчего в твоих творениях гордится;
В них – розмах сдержанный позволил убедиться
В могучей зрелости твоих грядущих дней.

Поэт! Ведь наша кровь бежит из каждой поры:
Случайно ли и то, что сам Кентавр, который
В ручье загробном лик свой прежний изменил,

Три раза окунул покорно ткань нарядов
В слону зловещую горящих местью гадов,
Что в люльке Геркулес-младенец задушил.

17.

ПОСРАМЛЕНИЕ СПЕСИ
<CHATIMENT DE L'ORGUEIL>

Во время чудное, когда с огромной силой
Ты, Богословие, цвело и гордым было, –
Как говорят, один известнейший мудрец,
Затронув глубину неверящих сердец,
Умом преодолев пути блаженств небесных,
Отменный ряд путей, ему же неизвестных,
И, наконец, придя в чудесный край иной,
Куда имеют вход лишь чистые душой, –
Как муж, что вознесен высоко в поднебесье,
Он в ужасе вскричал, объятый адской спесью:
«Исус младенец! Он был мною вознесен!
Мне стоит захотеть, низвергнут будет он,
Чтобы его позор со славою равнялся,
А сам Исус смешным зародышем казался!»

Лишился разума мудрец в единый миг;
За тьмою спрятался сиявший солнца лик,
Смятенье ринулось в рассудок без оглядок,
В храм некогда живой, где прежде был порядок

И где до потолка кадили фимиам;
Молчание и ночь теперь настали там,
Как в погребке, коль ключ от погреба утерян.

И стал с тех пор мудрец, как пес бродячий, скверен,
И должен был, слепой, через поля бродить,
И лета от зимы не мог он отличить,
Ненужный, мерзостный, как ветошь вековая,
У ребятишек смех веселый вызывая.

18.

КРАСОТА
<LA BEAUTÉ>

Прекрасна, как мечта из камня, я, о смертный!
А, грудь моя, куда обязан каждый пасть,
Ты создана внушать поэтам в мире страсть,
Подобно веществу, – извечной и инертной.

Как сфинкс непонятый, царю я в вышине,
С лебяжьей белизной лед сердце соединяет,
Презрев движение, что линии смещает;
Не плачу я вовек и смех неведом мне.

Поэты тратят дни среди набросков трудных,
Пред позою моей великою застыв
(Заимствовала вид свой я у статуй чудных!);

Послушно влюбчивых, влекут их, покорив,
Два чистых зеркала, где краше все созданья,
Широкие глаза, где вечности сиянье.

19.

ИДЕАЛ
<L'IDÉAL>

Виньеток прелестям, испорченным немножко,
Созданиям, что мог бездельный век родить,
И кастаньетам рук, и вам, полусапожки, –
Души, как у меня, не удовлетворить!

Отдам я Гаварни, поэту увяданья,
Тот рой, что про красу больную щебетал.
Средь бледных роз найти цветка не в состояньи,
Который бы увлек мой красный идеал.

Ах, нет! Нужны сердцам, глубоким, словно бездна,
Вы, Леди Макбет, кто, в грехе, с душой железной,
Эсхилова мечта, что создал ураган!

Иль ты: о Ночь, о дочь великого Анджело,
Кто, кротно искривив в чудесой позе тело,
Жеманно тянется к твоим губам, Титан!

20.

ГИГАНТКА**<LA GÉANTE>**

В те времена, как Рок, по прихоти всевластной,
Мог каждый день детей чудовищных родить,
Тогда, как кот у ног царицы сладострастной,
Хотел бы я вблизи гигантки юной жить.

Следил бы, как цветут ее душа и тело
И в страшных игрищах, свободные, растут;
Я знал бы, коль душа огнем грустей затлела
Сквозь влагу и туман, что по зрачкам текут.

Великолепье форм я изучил бы скоро,
Исползал бы колен гигантских косогоры,
И только в летний день, когда лучи томят,

Уединившись с ней в полях, среди растений,
В тени ее грудей уснуть я был бы рад,
Как у подножья гор спокойно спит селенья.

21.

МАСКА

<LE MASQUE>

АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ СТАТУЯ ВО ВКУСЕ РЕНЕССАНСА

ЭРНЕСТУ КРИСТОФУ

ваятелю

Давайте созерцать клад флорентийских граций!
В могучем корпусе, как две сестры небес,
Изящество и Мощь умели совмещаться.
И женщина жила, как образец чудес,
Небесно-крепкая и стройная такая,
Для царственных забав на ложе создана,
Первосвященника иль князя развлекая.

– И сладострастная улыбка мне видна,
Куда тщеславье взор кидает восхищенный,
И этот скрытный взгляд, с насмешкой нег своих,
Жеманный этот лик, весь дымкой обрамленный,
Где победительно взывает каждый штрих:
«Любовь дала венец и Страсть ко мне воззвала!»
Дало величия ей много бытие,
Очарование восторги вызывало.
Пойдем же, оглядим со всех сторон ее!

Проклятье случаю! Искусство роковое!
Ты, тело женское, что счастье сулишь,
Кончаешься двойной ужасной головою!

О, нет! Притворство лишь, ах, украшение лишь
Тот лик, что озарен гримасою прекрасной;
И вот на нас глядит прищуренным зрачком
Лик подлинный, другой; он обращен неясно
К другому лику; скрыт он лгущим нам лицом.
– О горечь красоты! И в сердце набухает
Поток чудесных слез из плачущих очей;
Меня пьянит обман, моя душа впивает
Печалью выжатый из глаз твоих ручей!

– О чем же слезы льет она, с ее красою,
Что поколения к подножию влекла?
Стан атлетический терзает зло какое?

– О том безумье слез, что жизнь она жила
И что еще живет! Ее терзает больше
Всего и трепетом струится по ногам
То, что ей завтра жить, что нужно жить ей дольше,
И послезавтра жить, и вечно, – как и нам!

22.

ГИМН КРАСОТЕ
<HUMNE A LA BEAUTÉ>

Приходишь ты из бездн иль с горнего селенья,
Краса? И божество, и ад в зрачке твоём,
И он толкает нас к добру и к преступленью,
И сравнен потому нередко он с вином.

В твоём зрачке – огни заката и Авроры,
Ты запахи струишь, как вечер грозовой;
Твой поцелуй – как фильтр, уста твои – амфора:
В ней рождены дитя отваг и трус-герой.

И Демон, точно пес, за юбкою твоюю;
Ты выйдешь к нам из бездн иль со звезды слетишь?
И, радость наугад или несчастье сея,
Ты безответственна, хоть ты везде царишь.

С издевкой шествуешь, Краса, по убиенным,
И Ужас – из твоих забав не самый злой!
Меж дорогих брелков на животе надменном
Влюбленно пляшет Смерть ужасный танец свой.

Свеча! К себе манишь ты однодневок стаи,
Что, трепеща, сгорят, благословив огонь.
Любовник задрожит, подругу обнимая,
Схож с умирающим, чья гладит гроб ладонь.

Подобье страшного, простого сердцем зверя!
С небес, из ада ль ты, Краса, – мне всё равно,
Коль глаз смеющийся мне приоткроет двери
В ту вечность, что, не зная, я возлюбил давно.

Сирена ль, Ангел ли, иль Бог, иль Сатана ты, –
Мне всё равно! Сулят, единственный мой друг,
Твой бархатистый взгляд, твой блеск и ароматы
Мир меньшей гнусности, мгновенья меньших мук!

23.

ЭКЗОТИЧЕСКИЙ ЗАПАХ
<PARFUM EXOTIQUE>

Осенним вечером я, очи закрывая,
Испью твоих грудей горящих аромат;
Морские берега, которые слепят
Однообразные огни, я различаю.

Ленивый остров, где цветут, произрастая,
Деревья странные, плодов мясистый ряд,
Где взоры женские нас смелостью дивят
И где мужская плоть могучая такая.

Влекомый запахом в чудесные края,
Порт, полный парусов и мачт, увижу я;
Они изнемогли от бури в океане;

И запах в воздухе несется от лесов
Из тамариндов; он, насытив обонянье,
Мешается в душе с напевом моряков.

24.

ШЕВЕЛЮРА
<LA CHEVELURE>

Руно, что падает до самой шеи томно!
О кольца! Аромат, где нежности поток!
Восторг! – Чтоб населить ночной альков мой темный,
Кудрявое руно прически той огромной,
Где вспоминанья спят, взбиваю, как платок!

Благоухающе хранят леса густые
И негу Азии, и африканский зной,
И дальние миры ушедшие, чужие!
Как к музыке порой влечет умы иные,
Так я, любимая, ныряю в запах твой.

Туда, где человек и травы полны сока
И долго нежатся в жаре, – лететь готов;
Коса! Взметни наверх меня, как вал высокий!
О море черное! В тебе, слепящем око,
И мачты, и огни, и паруса гребцов!

Порт звонкий, где душа – цветы, благоуханья
И песни может петь; где корабли гурьбой
Скользят по золоту, в муаровом блистаньи,
Раскрыв рук пустоту, чтобы обнять сиянье
И чистоту небес, в которых вечный зной!

Нырну я головой, влюбленный в опьяненье,
В тот черный океан, где скрыт еще второй;
Утонченный мой ум от качки в восхищеньи;
Он вновь найдет тебя, о изобилье лени,
Благоухающий, качающий покой!

Лазурь больших небес, тьмы полог напряженный
Ты мне напомнила, о синева волос!
В концах пушистых кос, в прическе искривленной
До опьяненья пью я запах благовонный
Смолы и мускуса, твой аромат, кокос!

И долго! И всегда! И в тяжесть этой гривы
Посеет жемчуга, рубин рука моя,
Чтоб не была глуха ты к моему порыву!
Иль ты – оазис грез! Бутыль, где терпеливо
Воспоминаний хмель глотками выпью я!

25.

Тебя, как небосвод ночной, я обожаю;
Ты – урна горести, молчальница большая,
И тем сильнее люблю, чем ты бежишь сильнее
И чем насмешливей, краса моих ночей,
Пустоты создаешь, как кажется, такие,
Что не достать рукам пространства голубые!

На приступ лезу я, в атаку рвусь сильнее,
Как на покойника ползущий хор червей;
Неумолимый зверь! Жестокая! Тебя я
За эту холодность сильнее обожаю!

26.

Ты всю вселенную б в свою кровать вместила,
Блудница, и твой дух тоска ожесточила!
Чтоб в странных игрищах зубам работу дать,
По сердцу новому должна ты в день сжирать.
Огонь твоих зрачков – как бы витрины в лавках
Иль в воскресенье две плошки на подставках, –
Заемной силою и наглостью живет,
Не зная никогда закон своих красот.
Машина, что слепа и что жестокость множит!
Полезный инструмент, что кровь у мира гложет!
Иль бледность прелестей своих ты никогда
Не видел в зеркалах? Иль ты не знал стыда?
Или величье зла, где всё тебе понятно,
Не заставляло шаг твой ринуться обратно,
Когда природа, чей великий план сокрыт,
Тебя использовав, о подлый зверь, родит,
Царица всех грехов, – вдруг гения тобою?!

Величье грязное! Бесчестье неземное!

27.

SED NON SATIATA*

Каштановый, как ночь, причудливый божок,
Что запах мускуса мешает и гаванны!
Изделье дикарей и Фауст ты саванны!
Дочь черной полночи и ведьма смуглых ног!

Ах, навсегда меня не опиум увлек,
А запах уст твоих, где страсть кичится странно;
Когда к тебе бредут желаний караваны,
Оазис глаз твоих тоске б дать влагу мог!

О демон без пощад! Ты черными очами,
Как вздохами души, пролей поменьше пламя;
Не Стикс я, чтоб тебя мне девять раз ласкать!

И мужество твое, распутств Мегера, мне ли
До издыхания последнего сломать
И Прозерпиной стать в аду твоей постели?!

* Но не насытившаяся (*лат.*).

28.

Как перламутр, волнист ее одежд покров;
Когда она идет, то пляску видят взоры,
Как пляску длинных змей на острие жезлов,
Когда качают их священные жонглеры.

О, как лазурь пустынь над пасмурью песков,
Навек бесчувственных к людскому огорчению,
Как зыбь протяжная больших морских валов, –
Так равнодушия полны ее движенья.

Чудесен минерал ее лощеных глаз;
Всё в этом существе – знак тайны необычной:
В ней смешан с ангелом свирепый сфинкс античный,

В ней только золото и сталь, свет и алмаз;
И блещет навсегда, как лишних звезд обличье,
Бесплодной женщины холодное величье.

29.

ПЛЯШУЩАЯ ЗМЕЯ
<LE SERPENT QUI DANSE>

О ленивая и дорогая!
Я в красу вашей плоти влюблен,
Когда, звездочку напоминая,
Ваша кожа меняет свой тон!

Ароматом наполнена пьяным
Глубина шевелюры кудрей.
Море с запахом непостоянным,
Где валы то темней, то синей.

Как корабль ранним утром играет,
Когда ветер рассветный дохнет, –
Так душа якоря обрывает,
Грезя, мчит далеко в небосвод!

И в очах твоих нету печали,
Нет ни горечи, ни теплоты.
Две холодных игрушки смешали,
Где железо и золото слиты.

Ритм походки у вас наблюдаю,
Что беспомощна так и мила,
И немедля змею вспоминаю,
Что танцует на грани жезла.

Вы качнули под тяжестью лени
Головою; в ней детскость видна:
В том движении – вялость движений
Мне видна молодого слона.

Вот ваш стан наклоняется длинный,
Как послушный корабль среди морей,
Что плывет и коснется пучины
Наклоненною реей своей.

Как ручей, что растет, набухая
От расплавившихся ледников,
Так вздымается влага, играя
На устах ваших между зубов.

Хмель богемский! Он будет мной выпит!
Как победно и горько питье!

Словно жидкое небо, что сыпет
Блеск созвездия в сердце мое!

30.

ПАДАЛЬ
<UNE CHAROGNE>

Запомнили ли вы, что мы видали, крошка,
В час сладкий утренних лучей:
Как падаль гнусная лежала на дорожке,
На ложе жестком из камней.

И ноги в воздухе, где яд и запах потный,
Как женский похотливый пот,
Показывали нам цинично, беззаботно
Гниеньем пахнущий живот.

На падаль солнце луч кидало из лазури,
Чтоб, в срок дожаривши сполна,
Вернуть сторицею торжественной Nature,
Что сбила в целое она.

И небо остовом гордилось в любованьи,
Как распутившимся цветком;
Воняло так вокруг, что были в состояньи
Вы на траву упасть ничком.

Над вонью падали рой мух, жужжа, кружился,
И, схож с похлебкою густой,
Там легион червей из живота сочился,
Ползя по ветоши живой.

И это всё росло, как волны, поднималось,
Треща в движениях своих;
Казалось, остов жил, и тело размножалось
И пухло в выдохах пустых.

Мир этот издавал таинственные звуки,
Как ветер, как вода течет,
Как зерна в веялке, когда их крутят руки
Размеренно взад и вперед.

И стерлись контуры и стали лишь мечтами,
Неясным очерком на том
Забытом полотне; его бы мог на память
Художник дописать потом.

Пес потревоженный на нас из-за уступа
Свой злобный вскидывал зрачок
И мига ждал, когда он вырвет вновь из трупа
От страха брошенный кусок.

– Но всё ж и вам, и вам заразой стать ужасной
И грязной падалью такой,
Звезда моих очей и жизни свет прекрасный,
О страсть моя и ангел мой!

Такой же станете, о королева граций,
Вы после таинств гробовых,
И будет плесенью костяк ваш покрываться
Между цветов и трав густых.

Тогда, о красота, скажи толпе, в лобзаньи
Тебя съедающих червей,
Что форму я навек сберег и содержанье
Распавшейся любви моей!

31.

DE PROFUNDIS CLAMAVI*

К Тебе, единственно любимый мной, взываю
Из темной пропасти, куда душой упал.
Свинцовый небосвод угрюмый край обстал,
Проклятья с ужасом во мраке источая.

Здесь на шесть месяцев раскинет ночь покров,
Шесть месяцев других – здесь диск нелучезарный,
И этот край голей, чем даже край полярный,
Ни зелени, ни рек, ни зверя, ни лесов.

Нет в мире ужаса подобного, такого,
Как жесткость холода светила ледяного,
И с древним Хаосом схож здешний мрак ночей.

Завидую судьбе последних я зверей,
Что в спячку глупую уйти способны в зиму, –
Так тянется моток времен невыносимо!

* Из бездны взываю (*лат.*).

32.

ВАМПИР
<LE VAMPIRE>

Ты, как удар ножа, вошла
В больное сердце мне, пустая,
Прекрасна, взбешена и зла,
Как демонов безумных стая.

О разум побежденный мой,
В покорный превращен альков он!
Теперь я к нечестивой той,
Как к цепи каторжник, прикован,

Как к водке – пьяный человек,
И как к игре – игрой заклятый,
Как черви – к падали проклятой, –
О, будь ты проклята навек!

Поспешный меч иметь мне надо,
Чтобы свободу возвратить!
Просил я вероломство яда,
Чтоб эту низость победить!

Но яд и меч в пренебреженьи
Не вняли мне, ответив так:
«Ты не достоин избавленья
От рабства подлого, дурак!

И если мы твои оковы
Усилиями раздробим,
Ты поцелуем роковым
Труп воскресишь вампира снова!»

33.

Я эту ночь провел с Еврейкою ужасной,
Как возле мертвеца простертый мертвый труп;
Я начал размышлять вблизи продажных губ
О грустной красоте, где я погиб, бесстрастный.

Представил я ее величье от рожденья:
Красой и силою зрачок вооружен;
На ней – душистый шлем волос сооружен, –
Я, вспомнивши о нем, воспрял для наслажденья.

Я умиленно стан расцеловал бы твой,
Богатство б разметал я ласк моих упорных
От свежих ног твоих до кос прекрасно черных, –

Когда б могло хоть раз вечернею порой
Невольною слезой, жестокая царица,
Великолепие холодных глаз затмиться!

34.

ПОСМЕРТНЫЕ УКОРЫ**<REMORDS POSTHUME>**

В тот час, когда уснешь ты, кто мрачна, красива,
И черный мраморник воздвигнут над тобой,
Тебе заменит дом, альков прекрасный твой,
Пустой, глубокий ров, могильный склеп дождливый,

И ляжет камень плит над грудью боязливой,
Над телом, чтоб мешать всей прелести былой,
Чтобы не слышался отныне сердца бой,
Чтоб не было у ног походки шаловливой.

Наперсница мечты неконченной моей, –
Могила, – ты всегда поймешь поэта цели, –
И в мраке медленных, лишенных сна ночей

Шепнешь: «Распутница несовершенств! Ужели
Не знала ты, что труп жестоко слезы льет?»
– И червь, как совести укор, тебя пожрет.

35.

КОШКА
<LE СНАТ>

На влюбленное сердце клади поскорей
Свои когти, ко мне подойдя, ты,
Чтоб я мог погрузиться в красоты очей,
Где с металлом смешались агаты.

На досуге я голову глажу твою,
Эластичную спину лаская,
В электричество тела я руку сую,
Наслажденье при том обретая.

Я любимую вижу, мечтая! Зверек,
Словно твой, ее взгляд, с жалом схожий,
Меня колет; и холоден он, и глубок;

И плывет вокруг каштановой кожи,
К голове поднимаясь от пят,
Воздух пряной струей, – роковой аромат.

36.

DUELLUM*

Два воина, сойдясь, вступили в бой великий,
И воздух пачкают горячий пот и кровь;
– Железа звяканье и эти игры – крики
Их юных дней, что в плен себе взяла любовь.

Мечи поломаны, как молодость разбита
У нас, любимая, – но острие ногтей
Заменит им и меч, и их кинжал сердитый.
– Безумие сердец, созревших для страстей!

И к хищникам в овраг, обнявшись в злобе дикой,
Враги стремительно друг друга увлекут,
Украшив кожей сухую ежевику.

– И эта пропасть – ад, где все друзья живут!
С врагиней яростной падем в овраг мы оба,
Чтоб там навек хранить пыланье нашей злобы!

* Поединок (*лат.*).

37.

БАЛКОН
<LE BALCON>

Подруга из подруг, о мать воспоминаний!
Моя обязанность и радость для меня!
Ты вспоминаешь ли о красоте лобзаний,
О неге вечеров, о сладости огня?!

Подруга из подруг, о мать воспоминаний!

О вечер с отсветом пылающих углей!
Балкон и вечера под дымкой испаренья!
Как грудь твоя сладка! Душа – еще добрей!
О, сколько было слов, не знающих забвенья!
О вечер с отсветом пылающих углей!

В вечерней теплоте чарующи закаты!
Душа была сильна! Простор глубоким был!
Царица нежности, – я крови ароматы,
Приникнувши к тебе, казалось, ощутил!
В вечерней теплоте чарующи закаты!

Кругом сгущался мрак ночной стеной преград;
Угадывал твой взор я в темноте глазами,
Дыханье пил твое, о сладость, о мой яд!
И ноги усыплял я братскими руками!
Кругом сгущался мрак ночной стеной преград!

Миг счастья воскрешать – искусство мне знакомо!
О прошлом близ твоих колен мечтаю я.
Зачем иную мне искать красу истомы,
Коль плоть твоя мила, сладка душа твоя?!
Миг счастья воскрешать – искусство мне знакомо!

Объятья без конца, и аромат, и стон
К нам из запретных бездн вернутся ль с новой силой,
Как, вновь помолодев, взойдет на небосклон,
Умывшись в глубине морских пучин, светило?
– Объятья без конца, и аромат, и стон!

38.

ОДЕРЖИМЫЙ**<LE POSSÉDÉ>**

Диск солнца крепом скрыт! Укройся, как и он,
Ты, бытия Луна! Скорей закройся мглою!
Спи иль курись и ты! Будь мрачною, немою!
Пусть будет в бездну Скук твой облик погружен!

Такой тебя люблю! Явись на небосклон,
Что сумасшествие покрыло пеленою,
Ты помраченную сквозь полумрак звездой!
Отлично! Прочь кинжал прекрасный из ножен!

Зажги в своем зрачке паникадил сиянье!
Во взорах грубых ты зажги огонь желанья!
Всё радует в тебе, и наглой, и больной;

О, будь чем хочешь ты, заря и тьма ночная!
Трепещет плоть и нерв вызывает каждый мой:
«О брат мой, Вельзевул! Тебя я обожаю!»

39.

ВИДЕНИЕ
<UN FANTOME>**I. МРАК**

Забросил в склеп тоски непостижимой
Уже давно меня мой мрачный рок.
Без розовых лучей я одинок;
Здесь только Ночь, жилец невыносимый.

Художник я. И мне насмешник-бог
На сумраке писать, увы! велит там!
Как повар, я с загробным аппетитом,
Свое сваривши сердце, съесть бы мог.

Вдруг, засияв, является виденье;
В нем – грация и блеск, – и сразу в том
Восточном и медлительном движеньи,

Когда оно заблещет целиком,
Я узнаю обличье гостыи чистой:
Она! – мрачна и все-таки лучиста.

II. АРОМАТ

Читатель! Изредка хотя бы, но вдыхал,
Дух опьяняя свой, ты зерна фимиама,
Что сладким запахом переполняют храмы?
Иль аромат саше, что мускус напитал?

И в настоящем всё прошедшее упрямо,
Таинственно восторг глубокий пробуждал?
Так воспоминаний цвет прекрасный обрывал
Любовник радостный на милом теле дамы.

Так волосы полны тяжелые твои
(Саше ожившее, кадильница алькова!)
И диким запахом, и запахом лесного;

А в платье бархатном, в одеждах кисеи,
Что юностью твоей невинною объаты,
Вздываются мехов звериных ароматы.

III. РАМА

Картине, писанной взыскующей рукою,
Невольно рама блеск какой-то придает
И от безмерности пространства и широт
Отделит прелестью таинственной такою, –

Что сочетаются всегда с ее красою
И мебель, и металл, и ценность позолот,
И кажется, что всё к ней рамой подойдет,
Прозрачность чудную не заслонив собою.

Ей кажется самой, что всё ее любить
Вокруг пытается! Ей сладко утопить
В лобзаньях шелковых ее одевших тканей

Свой чудный стан нагой, дрожащий, и она,
В своих движениях груба или нежна,
Блестает грацией по-детски обезьяней!

IV. ПОРТРЕТ

Болезнь и Смерть в золу нещадно обратили
Дотла огонь, что был воспламенен для нас;
От нежных этих глаз, что так ревнивы были,
От губ, где сердце я свое топил не раз,

От ласки, что была, как утешенье, властна,
От чувств, которые стремительней лучей, –
Что сохранилось?! Ах! Душа! О, как ужасно!
Лишь бледность контура! След трех карандашей,

Который, как и я, погибнет одиноким;
Старик неправедный, о Время! Контур ты
Стираешь каждый день своим крылом жестоким!

Убийца черный ты и Жизни, и Мечты!
Но в памяти моей убить не в состоянии
Ее, – кто славой был и в ком – очарованье!

40.

Тебя пою в стихах; коль будущих веков
Достигнет счастливо само мое название,
Вселяя в мозг людей вечернее мечтанье,
Как будто бы корабль под ласкою ветров, –

То память о тебе, как древнее сказанье,
Усталостью томя чтецов и гуслиаров
И цепью сковано таинственных оков,
Повиснет между рифм и гордого звучанья.

Будь проклят тот, кому с небес до пропастей
Крик, кроме моего, не отвечал ничей!
– О ты, кто, словно тень недолгая в дороге,

Легчайший след ноги, след, брошенный зрачком,
Ты, осужденная глупцами слишком строго,
Мой ангел с янтарем во взоре, с медным лбом!

41.

SEMPER EADEM*

Спросила ты: «Скажи, скорбь странная откуда?
Как море на утес, вздымается она!»
– Когда у нас душа окончит жатву, худо
Становится нам жить! Ах, тайна всем ясна!

И очень грусть проста, и тайны нет в кручине;
Она, как и твой смех, не устает сверкать.
О любопытная! Ты не ищи причины!
Твой голос сладостный прошу я замолчать!

Невежда! Замолчи! С душою восхищенной,
С устами детскими! В тенетах утонченно
Нас чаще Смерть, чем Жизнь, умеет удержать!

Позволь моей душе мечтой упиться лживой,
Нырнуть в твои глаза, как будто в сон красивый,
В тени твоих ресниц надолго задремать!

* Всегда та же (*лат.*).

42.

БЕЗРАЗДЕЛЬНО

<TOUT ENTIÈRE>

Сегодня утром в дом мой Демон
Меня явился повидать;
Тщась уличить меня, меж тем он
Спросил: «Хотелось бы мне знать,

Что из всего, что тешит взор нам
И составляет волшебство,
О, что из розового с черным
У ней прекраснее всего?»

Но у души на искушенья
Проклятого ответы есть:
«Поскольку всё в Ней – утешенье,
Что же могу я предпочесть?!

Поскольку вся она пленяет,
Мне сделать выбора невмочь!
И, как Заря, она сверкает
И утешает, словно Ночь!

И так гармония прекрасно
Сумела тело покорить,
Что и пытаться мне напрасно
Аккорд на тоны разложить!

О тайна преобразования!
Все чувства, как одно, звучат!
– Есть музыка в ее дыханьи
И в голосе есть аромат!»

43.

Что скажешь вечером, о дух мой нелюдимый,
Что скажешь, сердце, ты, отцветшее не раз,
Такой отзывчивой, прекрасной и любимой,
Чей взгляд божественный тебя живил подчас?

– Всей нашей гордостью хвалу ей воздадим мы;
Ее могущество и власть всего нежней.
Ее бесплотней плоть, чем запах Херувима,
О светлых ризах нам взор говорит очей.

И в одиночестве, и в мраке ночи темной,
На шумной улице, среди толпы огромной,
Как факел, призрак твой танцует предо мной,

Мне иногда твердя: «Прекрасна я! Влюбленный,
Велю пленяться я тебе лишь красотой!
Я – Ангел, я – твой страж, я – Муза и Мадонна!»

44.

ЖИВОЙ ФАКЕЛ
<LE FLAMBEAU VIVANT>

Передо мной идут два глаза, полны света,
Умом Архангела превращены в магнит.
Два брата шествуют; моих два брата это,
И блеск алмазный их в моих глазах дрожит.

И, охранив меня от западни и скверны,
Дорогой красоты меня ведут они.
Они как слуги мне. И раб у них я верный.
Вполне владеют мной живущие огни.

Прекрасные глаза! Вы тайными огнями
Горите, как свеча при солнце. Блеск лучей
Багрит, не потушив немеркнувшее пламя;

Ваш – Пробуждению гимн, и Смерти – гимн свечей.
Идете вы, чтоб дух мой пробужденный славить,
И, Звезды, ваш огонь всем солнцам не убавить!

45.

ВОЗВРАТИМОСТЬ

<RÉVERSIBILITÉ>

Веселья Ангел! Ты знаком ли с грустью тяжелой,
С рыданьем, со стыдом, с укором и тоской,
С безмерным ужасом, который в час ночной
Терзает сердце нам, как комкают бумажку?
Веселья Ангел! Ты знаком ли с грустью тяжелой?

Ты, Ангел Кротости, знавал ли приступ гнева,
Кулак, протянутый во тьму, и слезы зла,
Когда в начальники себя произвела
Над нами Мечь, трубя подземные напевы?
Ты, Ангел Кротости, знавал ли приступ гнева?

Здоровья Ангел! Ты знавал ли Лихорадки,
Что, как изгнанники, вдоль стен госпиталей
Бредут усталою походкою своей
И, губы искривив, луч солнца ищут краткий?
Здоровья Ангел! Ты знавал ли Лихорадки?

О Ангел Красоты! Знавал ли ты морщины,
Угрозу старости и муку прочитав
В глазах, что с жадностью привык твой взор впивать, –
Лишь сострадания сокрытые кручины?
О Ангел Красоты! Знавал ли ты морщины?

О Ангел Радости, несущий свет и счастье!
Пред смертью царь Давид тебя бы умолял,
Чтоб запах твой ему здоровье даровал;
Я ж у тебя прошу молитвы и участия,
О Ангел Радости, несущий свет и счастье!

46.

ПРИЗНАНИЕ

<CONFESSION>

О любимая! Это лишь раз только было:
Вы учтивой рукой на мою
Оперлись; я в душе, как в глубинах могилы,
Небледнеющий случай таю.

Было поздно; луна в поднебесии полной,
Словно новой медалью, была;
И торжественность ночи, как будто бы волны,
Над заснувшим Парижем текла.

Под воротами зданий и возле строений,
Боязливо и насторожась,
Только кошки блуждали, как милые тени,
Провожая медлительно нас.

И в мгновение близости, что расцветала
В ясной бледности теми ночной,
Вдруг из вас, как из скрипки чудесной, что знала
Только звонкий напев и живой, –

Да, из вас, кто светла, – словно трубные звуки,
Когда утро прорезало мрак,
Сразу вырвалась нота столь жалобной муки,
Зашаталась которая так,

Как ребенок ужасный, смешной и нелепый,
Кто заставил семью покраснеть,
Кто надолго посажен был в сумраке склепа,
Чтоб от мира его запереть!

Бедный Ангел мой! Нота вопила тревожно:
«Как неверно всё в жизни моей!
Под румянами спрятать почти невозможно
Эгоизм бессердечных людей!

Труд тяжелый – прекрасною быть перед светом,
И банальнее нет ремесла,
Чем плясуньи безумной, что в холоде этом
Машинально всегда весела!

Доверяться сердцам – нет нелепее вещи!
Ах, обманет любовь с красотой,
И Забвенье поглотит в свой срок их зловеще,
Чтобы в Вечный вернуть их покой!»

Вспоминаю я часто луны обаянье
И молчание это в тиши,
Помню я роковое доверье признанья,
Эту исповедь бедной души!

47.

ДУХОВНАЯ ЗАРЯ
<L'AUBE SPIRITUELLE>

Когда средь пиршества, с зарею забелевшей,
Вдруг Строгий Идеал к распутникам сойдет, –
От тайны мстителя внезапно восстает
Архангел в той душе, где скот был озверевший.

И всем поверженным, но грезящим душой
Вмиг недоступные Высот Духовных сини
Открыты, и они зовут к своей пучине!
– Так и, Богиня, ты, сверкая чистотой,

На дыме пепелищ разврата неизменно
Являешь розовый и чудный облик мне
И пред зрачком моим порхаешь в тишине.

И солнце помрачнит огонь свечей мгновенно;
Так победителен твой призрак и хорош,
О лучезарный дух, и с вечным солнцем схож!

48.

ГАРМОНИЯ ВЕЧЕРА**<HARMONIE DU SOIR>**

Час наступил, когда качаются растенья,
Цветы кадилами нам запахи струят,
В эфире носятся и звук, и аромат;
И вальса томного печальное круженье!

Цветы кадилами нам запахи струят,
Дрожащий скрипки звук – как сердце в сокрушенье;
И вальса томного печальное круженье!
И грустен и красив, как бы алтарь, закат.

Дрожащей скрипки звук – как сердце в сокрушенье,
И сердцу нежному ничтожества претят.
И грустен и красив, как бы алтарь, закат;
И солнце вечера в кровавом окруженье...

И сердцу нежному ничтожества претят.
Следов прошедшего светлеет возвращенье!
И солнце вечера в кровавом окруженье...
Потиром о тебе мои мечты горят!

49.

ФЛАКОН
<LE FLACON>

Есть крепкий аромат, как говорят, который
И сквозь стекло пройдет, и всюду сыщёт поры;
Откроем мы ларец, что нам послал восток;
Скрежещет и визжит, нахмурившись, замок.

Иль в доме брошенном находим мы нередко
В шкапу, что запылен, где запах века едкий,
Флакон стариннейший, что сохранялся там;
Оттуда выпорхнет душа живая к нам.

Как будто куколки, рой помыслов, дремавших
И в тяжком сумраке отрадно трепетавших,
Расправив крылышки, полет свой устрелят,
Лазурью, золотом и розой заблестят.

Воспоминание запрыгает хмельное;
Глаза смыкаются; над павшею душою
Круженье головы царит, ее рукой
Толкает в бездну тьмы, в миазмы, в смрад людской

И валит на́ землю у пропасти исконной,
Где Лазарь разодрал свой саван благовонный,
Где призрачный мертвец сон покидает свой,
Протухши от любви прекрасно-гробовой.

Когда я, памятью людскою позабытый
И в шкаф заброшенный зловещий, как разбитый,
Ненужный, треснувший, в грязи и запылен,
Пустой и старенький, испачканный флакон, –

Твоей гробницею я стану, подтверждая
И власть твою, и мощь, зараза дорогая,
Изделье ангелов, о милый яд питья,
Меня съедающий, о жизнь и смерть моя!

50.

ЯД**<LE POISON>**

Есть час, когда вино любой чуланчик старый
Богатствами позолотит
И в портик сказочный каморку обратит
Огнями красного угара,
Как солнечным лучом, что сквозь туман спешит.

Раздвинет опиум всё то, чему нет грани,
До беспредельности миров,
И время углубить, и страсть долбить готов;
Угрюмой чернотой желаний
Наполнит душу нам он сверх ее краев.

Но это всё ничто пред ядом, что струится
Из глаз, твоих зеленых глаз,
Где запрокинута душа и затряслась.
Мечта, безумствуя, стремится,
Чтобы испить до дна, о бездны желчи, вас!

Но даже это всё еще ничто в сравнении
С язвительной твоей слюной,
Кем дух в небытии навек утоплен мой
И брошен в головокруженьи,
Уже слабеющий, на берег роковой.

51.

ПАСМУРНОЕ НЕБО

<CIEL BROUILLÉ>

Как говорят, твой взор туманами закрыт;
Зрачок (он зелен? Синь? Иль сер?) в себе таит
Попеременно злость, и нежность, и мечты
И отражает день небесной бледноты.

Туманных белых дней ты помнишь ли тепло,
Которое до слез сердца нам довело,
Когда, охваченный неведомой бедой,
Смеялся нерв живой над дремлющей душой?

Ты вспоминаешь ли прекрасный небосклон,
Что солнечным лучом под осень озарен?
О, как тогда пейзаж увлажненный блистал,
Когда из облаков луч солнца ниспадал!

Моя опасная! Страна чудесных нег!
Люблю твой иней я и обожаю снег!
О, если б из зимы нещадной я исторг
Острей, чем эта сталь, чем этот лед – восторг!

52.

КОТ
<LE СНАТ>**I**

Прекрасный, сильный, статный, пышный
Гуляет кот в мозгу моем.
Он, как в своей камерке, в нем
И там мяучит еле слышно.

Ворчит он громко или нет,
Но голос нежный скромно вечно,
Глубок богатством бесконечно,
И в этом весь его секрет.

И звук, мурлыча, протекает
До сумрачных глубин моих,
Меня наполнит, словно стих,
И, словно зелье, оживляет.

Все скорби усыпит он в вас,
Заключены в нем все отрады;
И, право, слов совсем не надо
Ему для самых длинных фраз.

Он по моей душе прекрасной
Царапает не как смычок,
Но царственно заставить смог
Чтоб в дрожи струны пели страстно, –

Лишь только голос твой, о кот,
Кот-серафим и кот чудесный!
В нем всё, как в ангеле, прелестно
И лишь гармонией живет.

II

Тончайшие благоуханья
От белых волосков летят,
Шерсть излучает аромат
При самом легком прикосаньи.

Со всеми коротко знаком,
Он, словно бог иль, может, фея,
Рассудит, правит он, имея
Сужденье в царстве обо всем.

Лишь взгляд, что, как магнит, упорно
Влечет к себе любимый кот,
Я обращаю наоборот,
Чтоб на себя взглянуть покорно, –

Увидит изумленный взор
Огонь твоих зрачков усталый,
Два фонаря, живых опала,
В меня вперившихся в упор.

53.

ПРЕКРАСНАЯ ШЛЮПКА**<LE BEAU NAVIRE>**

Ах, рассказать хочу, волшебница, тебе я
О разной красоте над юностью твоею.

Хочу красу изобразить,
Что детство с зрелостью смогла объединить.

Когда ты движешься, колебля воздух юбкой,
То схожей кажешься с поднявшей якорь шлюпкой,

Что, паруса раскрыв, плывет
И чей медлителен, ленив и плавлен ход.

Над шириною плеч, над шею покатою
Изящно голову и странно вознесла ты

И со спокойным торжеством,
Ребенок царственный, идешь своим путем.

Ах, рассказать хочу, волшебница, тебе я
О разной красоте над юностью твоею.

Хочу красу изобразить,
Что детство с зрелостью смогла объединить.

И груди движутся и колыхают ткани;
Они торжественны, как шкаф, чьи светлы грани,
 Чья выпуклость, как будто щит,
При блеске молнии свой отблеск излучит.

Две точки розовых имеет щит дразнящий;
Ларец с секретами, в своем нутре хранящий
 Немало вин и аромат,
Что помыслы души и сердце возбуждат.

Когда ты движешься, колебля воздух юбкой,
То схожей кажешься с поднявшей якорь шлюпкой,
 Что, паруса раскрыв, плывет
И чей медлителен, ленив и плавен ход.

И ноги гордые, под платьем, что взлетает,
Желанья темные язвяще пробуждают,
 Как две колдунии, что льют
Напиток черный свой в вместительный сосуд.

О! Ведомы рукам Геракловы забавы;
Они – соперницы блестящего удава:
 Любовника обняв, его
Дотиснут тотчас же до сердца твоего!

Над шириною плеч, над шеєю покатою
Изящно голову и странно вознесла ты
 И со спокойным торжеством,
Ребенок царственный, идешь своим путем.

54.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ**<L'INVITATION AU VOYAGE>**

О сестра! Ребенок мой!
Раздели восторг со мной:
В край иной поехать вместе!
На досуге полюбить,
Полюбить и опочить
В том, с тобою схожем, месте.
Влажен солнца беглый луч,
В небесах немало туч,
В них – уму очарованье,
Как в неясности твоей
Изменяющих очей,
Где сквозь слезы есть сиянье!

Край порядка и красот!
Там покой и страсть живет!

Глянец стульев и столов,
Заблестевших от годов,
Будут комнат достояньем,

И цветов редчайших ряд
Свой смешает аромат
С амбровым благоуханьем.
Там – всё, чем блестит восток;
Там – богатый потолок
С зеркалом необозримым
Поведет с твоей душой
Разговор секретный свой
Сладким говором родимым.

Край порядка и красот!
Там покой и страсть живет!

Там – в заливе – вижу я:
Дремлет кораблей семья
С прихотью их переменной.
Чтоб малейший твой каприз
Выполнить, – к нам принеслись
Корабли с концов вселенной.
Солнечный одел закат
И поля, и луг, и сад,
И заливы, и селенья
В гиацинтов цвет златой,
И спокойно шар земной
Дремлет в теплом озареньи.

Край порядка и красот!
Там покой и страсть живет!

55.

НЕВОЗВРАТИМОЕ

<L'IRRÉPARABLE>

I

Возможно ль истребить Укоры о былом?
Они живут, и точат едко,
И нами кормятся, как черви мертвецом,
Как гусеницы свежей веткой.
Возможно ль истребить Укоры о былом?

В каком вине, в какой струе, в какой лоханке
Старинных утопить врагов,
Нас разрушающих жаднее куртизанки
И терпеливей муравьев?
В каком вине? В какой струе? В какой лоханке?

Скажи, колдунья, мне, коль знаешь ты о том,
Уму, что погребен тоскою,
Как умирающий задавлен мертвецом
И тяжкой конскою стопою, –
Скажи, колдунья, мне, коль знаешь ты о том, –

Почти умершему, кого ждут чутко звери
И ворон сторожит окрест:
Солдату павшему! Иль он умрет, не веря,
Что сыщет гроб себе и крест?
О умирающий, кого ждут чутко звери!

Возможно ль осветить чернеющий покров
И сумрак разорвать, который
Густ, как смола; в нем нет ни утра, ни вечеров,
Зловещих молний и Авроры?
Возможно ль осветить чернеющий покров?

Надежда теплилась свечой в окне Трактира,
Но огонек задут навек;
Без звезд и без луны найдет ли путник сирый,
Измученный себе ночлег?
Ах, Дьявол затушил свечу в окне Трактира!

Колдунья! Знала ль ты нещадный приговор?
Любила ль гибших в осужденьи?
И ведом ли тебе отравленный Укор,
Что сердце делает мишенью?
Колдунья! Знала ль ты нещадный приговор?

Невозвратимое зубами душу точит,
Как некий жалкий мавзолей,
И с основания порой разрушить хочет
Постройку, точно муравей.
Невозвратимое зубами душу точит.

II

В театрах плохеньких случалось видеть мне,

 Как музыка огнем сверкала

И чудную зарю на адской вышине,

 Бывало, фея зажигала;

В театрах плохеньких случалось видеть мне,

Как Существо, кто смесь из золота и газа,

 На землю Сатану швырнет.

О ты, моя душа, не знавшая экстаза, –

 Театр, что вечно тщетно ждет

Прихода Существа, чьи крылья – блески газа.

56.

БОЛТОВНЯ

<CAUSERIE>

Ты – как осенняя прозрачность небосклона,
Во мне ж вздымается скорбь, как морей волна,
И воспоминание, чей вкус горчей лимона,
Оставит на устах моих, уйдя, она.

Ласкаешь попусту меня рукой усердной!
О, там, где ищешь ты – разрушено там всё
Зубами женщины, рукой немилосердной.
Нет! Сердца не ищи! Всё сожрало зверье!

Моя душа – дворец, толпой опустошенный,
Убийство там и смерть, рвет волосы кулак.
– И запах плавает вокруг шеи обнаженной!..

Жестокий бич для душ! Краса! Ты хочешь так!
Что ж! Блеском праздничным, горящими глазами
Всё пережги, что мне оставлено зверями!

57.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ
<CHANT D'AUTOMNE>**I**

Мы скоро в холоде очутимся печальном,
И наших кратких лет, прощай, о свет живой!
Я слышу: падают со стуком погребальным
Дрова и на дворе звенят по мостовой.

Зима вошла в меня, и с ней вошли сегодня
Озноб и ненависть с усиленным трудом.
О сердце! Превратись в полярной преисподней,
Подобно солнцу, ты в замерзший красный ком.

Звук падающих дров душою слушать страшно:
Не так звук эха глух, коль строят эшафот!
Мой уподоблен мозг вниз падающей башне,
В которую таран неумолимо бьет.

Мне кажется, что сны нагонит стук унылый,
Что где-то второпях гроб сколотить хотят...
Кому? – Уж лета нет, и осень наступила,
И шумы тайные разлукою звенят.

II

Твоих зеленых глаз люблю огонь печальный,
Но, сладкая краса, всё ныне горько мне,
И нет! не заменить ни очагу, ни спальне
Мне солнечных лучей, горевших на волне.

Но ты люби меня! Пускай я буду гадкий,
Неблагодарный, злой! Как мать будь для меня!
Подруга иль сестра! Дари же лаской краткой,
Как осень славная иль солнце склона дня.

Недолог труд! Меня ждет жадная могила!
Позволь прижаться мне к твоим коленям лбом,
Оплакав летний зной, белеющий и милый,
Упитья осени желтеющим лучом!

58.

МАДОННЕ**<A UNE MADONE>****Ех-вото* в испанском вкусе**

Воздвигну я тебе, Владычица, Мадонна,
В печальной глубине алтарь мой потаенный,
И, выбравши в душе чернее уголок,
Который от страстей людских и слез далек,
Там нишу высеку лазурно-золотую
И Статую твою, Мадонна, помещу я!
А из моих стихов, где, как стена, металл
И где созвездья рифм кристалл образовал,
Для головы твоей я сделаю Корону,
И в Ревности моей, о смертная Мадонна,
Я Плащ тебе скрою; от подозрений он,
Вдвойне отяжелев и дико закреплен,
Закроет, как леса, твое очарованье.
Не в Перлы уберу тебя, в мои Рыданья!

* Дар по обету (*лат.*).

Одеждой будь тебе – Волнение Страстей,
Которое то вверх, то вниз летит скорей
И, трепеща концом, недвижно у предела
Боготворит твой стан и розовый и белый!

Из Почитанья две атласных Туфли мог
Я сделать для твоих божественнейших Ног.
Пусть туфли скрепами ступню твою сжимают,
Как створки раковин моллюсков охраняют.
И если не смогу, при мастерстве моем,
Создать я Лунное подножье с серебром,
То Змея положу, что мне кусает недра,
Под каблуки, чтоб ты, на искупленья щедра,
Победоносица! – убила бы ногой
Чудовище, что нас язвит своей слюной.
Увидишь Помыслы, что, как Свеча, блистая,
Пред алтарем твоим, Царица Дев святая,
Бросают отблеск свой в лазурный потолок,
Всегда к тебе стремя свой огненный зрачок.
И так как всё во мне Мадонну обожает,
То Ладан, Фимиам и Мирру воскуряет,
И без конца к тебе, к вершине снеговой,
Как Пар, вздымается мой Разум грозовой.

Потом, чтобы создать Марии роль полнее,
Смешаю варварство с любовью я моею!
– Страсть черная! Грехов семь Смертных взяв скорей,
Палач с раскаяньем, семь сделаю Ножей

Отточенных и, как жонглер, без сожаленья,
Из всех твоих страстей взял большую мишенью,
Вонжу я в Грудь твою кинжалов острие,
И Сердце я проткну дрожащее твое!

59.

ПОЛДНЕВНАЯ ПЕСНЬ
<CHANSON D'APRÈS-MIDI>

Из-за излома злых бровей
Твой облик кажется мне диким
И с ангельским не схож он ликом,
Колдунья с живостью очей!

О ветреница дорогая!
О страшная любовь моя!
Как идолов жрецы, так я
Тебя смиренно обожаю!

Пустыни запах и листвы
Благоухает в жесткой прядке,
И много тайны и загадки
Есть в повороте головы.

Как будто вокруг паникадила,
Вкруг тела – аромат бродяг.
Как вечер, ты чаруешь так,
О нимфа сумрака и пыла!

С твоею ленью не сравнить
И зелья самые густые,
А ласки знаешь ты такие,
Что можешь мертвых воскресить!

И твоему бедру знакома
К твоей спине и к груди страсть,
И нежишь ты подушки всласть
Своею позою истомы.

А иногда, чтоб утолить
Всю ярость тайного желанья,
Ты искренне свои лобзанья
С укусом можешь подарить.

Меня, смуглянка, раздираешь,
Издевки с хохотом полна,
А после взор, что, как луна,
Отраден, – в сердце устремляешь.

Под твой атласный башмачок,
Под ноги в шелке, – положу я

Мою восторженность большую,
И дарование, и рок!

Моя душа тебе покорна,
Тебе, мой цвет, свеча моя.
Ты – вспышка жаркого огня
Во тьме моей Сибири черной!

60.

СИЗИНА

<SISINA>

Диану видели ль, когда она, сметая
Кустарники, спешит в хитоне меж лесов,
Не веря спутникам, и крик в себя впивая,
И волосы отдав дыханию ветров?

Видали ль Теруань, кто, битву обожая
И к приступу зовя народ без башмаков,
И саблю выхватив, охотно роль играя,
С огнем в глазах бежит по ступеням дворцов?

Воительница ты, о Сизина, такая ж!
Душой не только смерть, но также милость знаешь!
Смела, и в барабан и в порох влюблена,

Перед просящими себя обезоружит
И, с разоренною в огне душой, она
Найдет немало слез для тех, кто их заслужит.

61.

СТИХИ К ПОРТРЕТУ ОНОРЕ ДОМЬЕ
<VERS POUR LE PORTRAIT D'HONORÉ DAUMIER>

Тот, чей портрет перед тобою,
Читатель, – очень мудрым был.
Он кистью тонкой нас учил
Самих смеяться над собою.

Сатирик он, но рисовал
С насмешкой твердою такую
Он Зло и окруженье злое,
Что добрый дух свой доказал,

Издевкой не напоминая
Мефисто иль Мельмота вид
Под факелами Эвменид,
Что нас морозят, их сжигая.

В их смехе – шалостей черты
Искривлены печальной болью,
В его ж – луч искренний приволья
И знак сердечной доброты.

62.

ПОХВАЛЫ МОЕЙ ФРАНЦИСКЕ*

На струнах новых воспою
Подругу новую свою,
И сердце тем развеселю.

Венками будь оплетена,
О благодатная жена,
Которой жизнь освещена.

Твой всемогущий поцелуй
Дает забвенью; очаруй
Мой дух, и раны уврачуй.

* Это стихотворение, написанное Ш. Бодлером на латинском языке, В. Шершеневич не перевел. Здесь оно дано в переводе Адриана Ламбле (см.: Бодлер Ш. Стихотворения: Пер. с фр. / Сост. Е. Витковский; коммент. Е. Витковского, Е. Баевской. – Харьков: Фолио, 2001. С. 165–166).

В бессильи сердца моего
Я зрел пороков торжество,
Но ты явилась, божество,

Как светлая звезда морей,
В час бури, взорам рыбарей.
– Твоих я пленник алтарей.

Купель с целебной водой,
Верни ты голос молодой
Устам, замученным бедой.

Что было грязно – ты сожгла;
Что было грубо – убрала;
Тому, что слабо – сил дала.

Бездомному – очаг родной,
Лампады свет во тьме ночной,
Правь неизменно мудро мной!

Грудь утомленную согрей,
Источник жизни, и пролей
Благоухающий елей.

Щит целомудрия, гори
У чресл моих, и до зари
Сны безмятежные дари.

Потир, которому дано
Свой блеск и дар сливать в одно,
Франциска, дивное вино!

63.

КРЕОЛКЕ
<A UNE DAME CRÉOLE>

В стране, где аромат и солнышко ласкало,
Сплетал пурпуровый лес балдахин листвою,
Где пальма лень в глаза нам щедро изливала, –
Креолку я знавал с неведомой красой.

Нас гордостью манер смуглянка чаровала,
Тон кожи поражал теплом и бледнотой,
Как грациозная охотница, ступала,
И смех спокоен был, и смел был взор живой.

Когда б отправились в страну великой славы,
К Луаре с зеленью иль к Сене величавой,
То, украшением старинных став домов,

Заставили б сложить вы тысячи сонетов,
В уединении, в тени, сердца поэтов,
Их подчинив сильней, чем черных всех рабов.

64.

MÆSTA ET ERRABUNDA*

Скажи: твоя душа летала ли, Агата,
Из моря черного столичных нечистот
В тот океан иной, сиянием объятый,
Где глубина и синь, как девственность, живет?
Скажи: твоя душа летала ли, Агата?

Ах, облегчи нам труд, огромный океан!
Какой же демон дал волненью в океане, –
Певцу хрипатому, что воеет под орган
Ветров брюзжащих, – дар баюкающей няни?
Ах, облегчи нам труд, огромный океан!

Вези меня, вагон! Умчите прочь, фрегаты!
Прочь! Прочь! Из наших слез зловонный здесь ручей!
– Не правда ли, порой и скорбный дух Агаты
Твердит: «От совести, злодейства и скорбей
Вези меня, вагон! Умчите прочь, фрегаты!»

* Грустные и неприкаянные [мысли] (лат.).

Ты так далек от нас, благоуханный рай,
Где светлая лазурь, где радостно, спокойно,
Где, сердце, в девственной ты страсти утопай!
Там всё, что любишь ты, – твоей любви достойно!
Ты так далек от нас, благоуханный рай!

Но рай зеленый наш, рай юности влюбленной,
И беготня, и песнь, и ласки, и букет,
И замиранье струн за горкой отдаленной,
И полный жбан вина, и в сумерках боскет,
– Но рай зеленый наш, рай юности влюбленной,

О наш невинный рай, что тайных полн отрад, –
Ужели Индии он дальше и Китая?
Иль крики скорбные его не возвратят?
Ужель не оживит вновь песня золотая
Тебя, невинный рай, что тайных полн отрад?!

65.

ПРИЗРАК
<LE REVENANT>

Я, словно призрак с диким взглядом,
С тобой в алькове буду рядом;
К тебе я меж теней ночных
Опять скользну, бесшумно тих!

Тебе, смуглянка, подарю я
Луны прохладней поцелуи;
Под лаской гробовой моей
Припомнишь ты могильных змей!

Лишь утра свет блеснет багровой,
Ты не найдешь меня в алькове!
Пусть он до ночи будет стыть!

Как люди – нежностью своею
Над юностью царят твоею,
Так страхом я хочу царить!

66.

СОНЕТ ОСЕНИ
<SONNET D'AUTOMNE>

Твои глаза твердят хрустальной чистотой:
«Какие прелести во мне, друг странный, скрыты?»
– Прекрасной молча будь! Душа на всё сердита,
Но пленена она животной простотой.

Она не хочет ад раскрыть перед тобой,
Песнь детства, в чьей руке протяжных снов избыток,
Чернеющих легенд воспламененный свиток.
Я ненавижу страсть, и я от дум – больной!

Возлюбим сладостно! Любовь, в засаде скрытой,
Натягивает свой лук мрачно-роковой.
Оружье старое! Изучено ты мной:

Безумье, ужас, грех! – Своей душой разбитой
Ты – солнце осени, как я! Цвет бледный мой,
Столь холодна и так бела ты, Маргарита!

67.

ГРУСТЬ ЛУНЫ
<TRISTESSE DE LA LUNE>

Мечтает вечером Луна лениво, нежно,
Как девушка, когда, пред тем, как ей уснуть,
Среди подушечек, легко рукой небрежной,
Ощупав контуры, оглаживает грудь.

На шелковом хребте лавин, что полны ленью,
От обмороков в смерть переходя, Луна
Свой устремляет взор на белое виденье,
Которым зацвела лазурь и вышина.

Когда ж на шар земной, печали обреченный,
Свою слезу Луна уронит потаенно,
Враг богомольный сна, поэт, в ладонь возьмет

Слезинку бледную, что на землю упала
(В ней – ответ радужный, как бы в куске опала!),
И, в сердце спрятавши, от Солнца сбережет.

68.

КОТЫ
<LES CHATS>

Мудрец суровый и любовник ненасытный,
Равно вы любите, достигнувши годов,
Квартиры гордость, их, властительных котов,
Что, домоседствуя, пред стужей беззащитны.

Коты! Вы мудрости и похоти друзья!
Вам любы тишина и ужас полумрака;
Эреб бы взял себе их, как коней, однако
Их гордости запрячь в ярмо никак нельзя!

И горделивость поз приемлете вы, стыня,
Как сфинксы длинные в безмерности пустыни,
Как бы заснувшие в неконченных мечтах.

Чудесных искр полно в вас плодородье тела;
Частицы золота, как бы песок, в зрачках
Таинственных котов блистают без предела.

69.

СОВЫ

<LES HIBOUX>

Под тисами, что их скрывают,
Как боги странные, сидят
Недвижно совы в ряд, свой взгляд
Вперяя красный. Размышляют.

Пребудут без движенья так,
Пока унылою порою,
Прочь солнце отогнав косое,
Не утвердится прочный мрак.

Их поза – мудрым наставленьем,
Что суматохи и движенья
Бояться должен человек.

Кто опьянится быстрой тенью,
Тот будет обречен навек
На жажду местоизмененья.

70.

ТРУБКА

<LA PIPE>

Я – трубка автора. Решить
По кафрской, абиссинской мине
Моей способен всякий ныне,
Что автор любит покурить.

Лишь господин начнет грустить,
Дымлю, как печь, я, где рабыни
Обед готовят, чтоб мужчине,
Придя с работы, есть и пить.

В подвижно голубом сплетеньи,
Из рта идущем моего,
Я дух баюкаю его,

Даруя мощно утешенье,
Что сердцу радостно, и дам
Покой измученным мозгам.

71.

МУЗЫКА
<LA MUSIQUE>

Владеет Музыка, как море, часто мной!
К тебе, моя звезда, я
Под сводом пасмурным иль сквозь эфир пустой
Свой парус поднимаю;

И выпячена грудь. Как ткани парусов,
Так легкие раздуты.
Я приступом беру хребты морских валов,
Что скрыты ночью лютой;

Я чувствую в себе дыхание всех страстей
Корвета в миг опасный.
И ветер с бурей, конвульсией морей,

Над бездною ужасной
Баюкают; порой – как в зеркале, в тиши –
Отчаянье души.

72.

ПОГРЕБЕНИЕ ОТВЕРЖЕННОГО ПОЭТА
<SÉPULTURE D'UN POÈTE MAUDIT>

Когда на свалке, под камень,
В гнетущих сумраком ночах,
Христианин из сожаленья
Твой славный похоронит прах,

В часы, когда звезда невинно
Тяжелый блеск очей смежит,
Паук протянет паутину,
Змеят ехидна народит, –

Век будешь слышать над собою,
Над осужденной головою,
Ты крики жалобных волков,

Колдуний жадных и крикливых,
Забавы стариков блудливых
И черный заговор воров.

73.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ГРАВЮРА

<UNE GRAVURE FANTASTIQUE>

Вот призрак редкостный и вовсе не одетый!
Смешно надвинута на самый лоб скелета
Корона страшная, как будто карнавал.
Без шпор и без хлыста коня он побуждал.
Апокалипсисный одер (он призрак тоже!)
Слюною брызгает, как бы в падучей дрожи.
И в даль пространств они врубаются вдвоем,
Безбрежность поперев отважным сапогом.
Подъемлет всадник меч, что пламенем сверкает,
И безымянную толпу конем толкает.
Как оглядевший дом свой принц, он мчать готов
Через ледяной погост, огромный, без краев,
Где спят под отблеском потухшим небосвода
Народы древние и новые народы.

74.

ВЕСЕЛЫЙ МЕРТВЕЦ
<LE MORT JOYEUX>

Хотел бы выкопать себе могилу сам
В земле я жирной, где улиток копошенье,
Где мог бы отдых дать измученным костям,
Акулой в глубях вод я мог бы спать в забвеньи.

Презренье выказал я всем людским слезам,
И завещанию, и даже погребенью.
Нет! Предпочтительно я воронам отдам
Нечистый остов мой при жизни на съеденье.

К тебе, о черный друг, червь без ушей и глаз,
Покойник радостный пришел на этот раз!
Эпикуреец-червь! О ты, дитя гниенья!

Безжалостно ползя сквозь труп мой, будь готов
Сказать мне: разве есть еще тому мученья,
Кто тело без души, кто мертв средь мертвецов!

75.

БОЧКА НЕНАВИСТИ
<LE TONNEAU DE LA HAINE>

Ты – бочка Данаид, о Ненависть, – и щедро
Мечь раздраженная готова до краев
Рукою красной лить в темнеющие недра
Из полных ведер кровь и слезы мертвецов.

Но Демон в бочке той проделал тайно дыры,
И вытекают в них столетья пот и кровь,
И, чтобы поощрить всех побежденных мира,
Их Ненависть живит, чтоб кровь пролить их вновь.

Пропойца Ненависть! О, в глубине таверны
Желаешь в жидкости всегда рождаться ты
И размножаешься, как будто гидра Лерны.

– Но счастлив пьяница, познав врага черты.
А Ненависти дан рок жалкий в достоянье:
Забиться под столом она не в состоянии!

76.

РАЗБИТЫЙ КОЛОКОЛ

<LA CLOCHE FÊLÉE>

Как сладко, горестно в тьме зимних вечеров
Внимать, вблизи огня, где дым и трепетанье,
Как медленно вдали, под звон колоколов,
Поющих сквозь туман, встают воспоминанья!

Блажен будь, колокол и бодрый твой язык!
Ты, вопреки годам, перенесенным сладко,
Уверенно швырнешь благочестивый крик,
Как старый ветеран, не спящий под палаткой.

Душа разбитая! О, если бы с тоской
Песнь кинуть вздумала в мрак ночи ледяной, –
Напомнил бы твой зов слабеющий хрипенье

Забытых раненых, что брошены в сраженьи,
В кровавом озере, под грузом мертвых груд,
Где, тщетно скорчившись, недвижные умрут.

77.

ХАНДРА

<SPLEEN>

Февраль, что ненависть к живущему питает,
Зловещий холод свой из урн огромных льет
И бледных жителей погоста заливает,
И смерть в туманные предместия он шлет.

Свой стан чесоточный без отдыха сгибает,
Подстилку у плиты ища, худой мой кот,
По крыше старого поэта дух шагает
И грустным голосом, как призрак, песнь поет.

Горюет колокол; дымящимся поленьям
Хрипящие часы фальцетом вторят с рвением
В то время, как в игре, где аромат плохой

(Наследник роковой у них водянки старой!),
Младой валет червей и дама пик с ним в пару
Зловеще речь ведут об их любви былой.

78.

ХАНДРА

<SPLEEN>

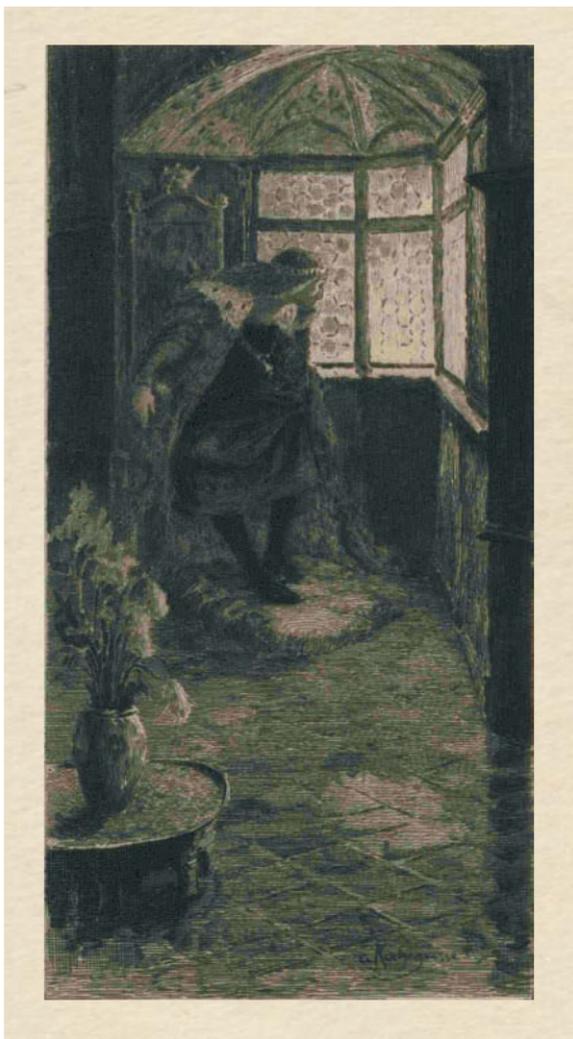
Так много помню я, как живший сотни лет!

Пусть шкаф большой хранит романсы, груды смет,
Записки и стихи, судебные тетради,
В любовных письмецах волос тяжелых пряди, –
Всё ж менее в нем тайн, чем мозг скрывает мой!
Да! Пирамида – мозг, огромный склеп такой,
Что трупов больше скрыл, чем братская могила!

Погост я! От него луна лик отвратила!
Как совести укор, ползет толпа червей,
Чтоб трупы те пожрать, что мне всего милей!
Я – старый будуар, где много роз поблекших,
Где беспорядок жив, где хаос мод отцветших
И где постель Буше, храня свой бледный вид,
Вдыхает аромат флакона, что открыт.

Протяжность дней хромым сравнять ни с чем нельзя нам,
Когда под грузом лет со снеговым бураном
Хандра, – угрюмого нелюбопытства плод, –
Размеры страшные бессмертья обретет!

Живое существо! Становишься отныне
Ты, окруженное пугающей пустыней,
Гранитом, что в песках Сахары тусклой спит.
Ты – древний сфинкс, и ты на карте позабыт,
Не знаем миром ты! Твой нрав суров: всегда ты
Не иначе поёшь, как при лучах заката!

79.

ХАНДРА

<SPLEEN>

Я схож с царем страны, где ливни моросят.
Я юн, но очень стар; без сил я, но богат.
Наставников своих с поклонами и лестью
Отвергнув, я скучал с моими псами вместе;
Охота, соколы и гибнущий народ
Вблизи дворца, – ничто меня не развлечет.
Излюбленных моих шутов смешные песни
Мне не сотрут с чела жестокий след болезни.
И ложе в лилиях имеет вид могил,
А фрейлины мои, кому принц каждый мил,
Не в силах выдумать бесстыдство туалета,
Чтобы исторгнуть смех у юного скелета.
Мудрец, что золото варил, никак не мог
До корня излечить мой роковой порок.
Из крови ванны, к нам дошедшие из Рима,
Те, что владыками на склоне лет ценимы,
Согреть не в силах труп безумный, в ком течет
Не кровь, – зеленая струя летеиских вод.

80.

ХАНДРА**<SPLEEN>**

Когда в тисках хандры у нас душа рыдает,
И крышкой тяжелой нас гнетет небесный свод,
И горизонт кольцом окрестность обнимает,
И черный день, ночей мрачнее всяких, лет, –

Когда становится земля сырой темницей,
Где мышь летучая – Надежда – день-деньской
Крылами робкими должна о стены биться
И в плесень потолка стучаться головой, –

Когда огромные потоки дождевые
Решеткой кажутся густой темниц пустых,
Паучьи племена бесчестные, немые
Свои тенета вьют на дне мозгов моих, –

Когда колокола вдруг с яростью огромной
Бросают в небеса ужасный перезвон,
Как бы блуждающей души, души бездомной
Вздых продолжительный, такой упрямый стон, –

То дроги похорон без боя барабана
Неспешно шествуют в душе, и слезы льет
Надежда, и Тоска с жестокостью тирана
Над никлым черепом стяг черный разовьет.

81.

НЕОТСТУПНОСТЬ

<OBSESSION>

Леса огромные! – Соборов вы страшнее!
Хрипите, как орган; у нас, в душе дурной,
В печальной комнате, где старый хрип слышнее,
На «De profundis» ваш даст эхо отзвук свой.

Я проклял Океан! Его скачки, волнение
Мой дух нашел в себе; поверженных людей
Смех, переполненный слезами оскорбления,
Я слышу в хохоте бушующем морей.

Была б милей мне Ночь, но, отсветы звезды, вы
Знакомым языком ведете речь со мной,
А я ищу лишь тьмы, и черной и пустой.

Но, сумрак, даже ты – лишь полотно, где живы,
Дробясь перед зрачком на тысячу частей,
Знакомые черты исчезнувших людей.

82.

ЖАЖДА НЕБЫТИЯ
<LE GOUT DU NÉANT>

О мрачная душа! Ты встарь борьбу любила!
Надежда, что хлыстом пыл горячила твой,
Не скачет на тебе; бесстыдно спи, хромой
И трусящий у всех препятствий, конь мой хилый!

Спи, сердце, диким сном, свой проигравши бой!

О побежденный ум! Вор с дряхлою душой!
Любовь и спор тебе теперь уже постылы!
Прощайте, меди звон и флейты вздох унылый!
Восторг не радует мой мрачный дух и злой.

Весна утратила чудесный запах свой!

И Время по клочкам так душу поглотило,
Как холод путника под снежной пеленой;
Взираю сверху я на круглый шар земной,
И шалаша на нем искать нет больше силы!

Когда б в падении меня лавина смыла!

83.

АЛХИМИЯ СКОРБИ
<ALCHIMIE DE LA DOULEUR>

Один – Природе даст свой пыл,
Другой – свой траур и страданья.
Одним – ты жизнь и процветанье,
Другим – ты Смерть и мрак могил.

Гермес безвестный, всё сильнее
Пугаешь, помогая, ты.
Мидаса мне даришь черты,
Алхимика, что всех грустнее.

Железа в злате я искал,
На преисподню рай менял.
И, саван тучи разрывая,

Труп, дорогой мне, увидал.
И, берега небес копая,
Я саркофаг там воздвигаю.

84.

ОТРАДНЫЙ УЖАС
<HORREUR SYMPATHIQUE>

«Какие мысли с небосклона,
Что полон странной синевой,
Спускаются в опустошенный
Твой ум? – Ответствуй, муж дурной!»

– О жадностью не пресыщенный,
Плененный неизвестной тьмой,
Не проливаю слез Назона,
Утратив рай латинский свой!

Как латы, свод небес разодран,
И спесь моя им пленена;
И облак, где печаль видна, –

Моих мечтаний смертный одр он;
И словно Ад – блеск тех огней,
Где сладко быть душе моей.

85.

ТРУБКА МИРА

<LE CALUMET DE PAIX>

ПОДРАЖАНИЕ ЛОНГФЕЛЛО

I

Вот Гитчи Маниту, Владыка Жизни Сильный,
Спустился в прерию зеленую, в обильный
Простор из прерий, где стоят холмы горой.
И там с огромных скал, с вершины Камней Красных,
Главенствуя над всем, омыт в лучах прекрасных,
Огромен и велик, он встал совсем прямой.

Чтобы собрать к себе несметные народы,
Что многочисленней, чем травы и чем воды,
Ужасною рукой он выдрал из камней
Кусок, чтоб трубку мог создать высокомерно,
А после из ручья, из гущи непомерной,
Чтобы создать чубук, избрал тростник длинней.

Чтоб раскурить, он взял плакучей ивы лыко,
И, Всемогуществен, Создатель Сил Великий,
Возвысясь, запалил божественный маяк,
Как Трубку Мира; и, на Камнях стоя Красных,
Курил, велик и горд, омыт в лучах прекрасных,
И так народам был великий подан знак.

И дым божественный, медлительно взнесенный,
В эфир предутренный вздымался благовонно.
Сначала это был неясный луч, потом
Пар начал голубеть и стал гораздо гуще,
Потом он побелел, растущий, вверх ползущий,
И под небесным он сломался потолком.

От отдаленнейшей вершины Скал Нагорных,
От Северных морей до шумных вод озерных,
От Тавазэнты (ей равнин подобных нет!)
До Тоскалузских рощ, что очень ароматны, –
Все видели сигнал; дым этот необъятный
Медлительно вползал вверх, в розовый рассвет.

Пророки молвили: «Узрите дыма гущи,
Что, схожие с рукой, приказы отдающей,
Вдали сгибаются и застыт солнца свет!
То – Гитчи Маниту, над Бытием Владыка,
Твердит во все концы он прерии великой:
О воины! Я вас зову на мой совет!»

Дорогами долин и быстрою водою,
И с четырех концов, где веет ветровое
Дыханье, воины племен, поняв сигнал,
Который был им дан в дрожаниях неясных,
Пришли, покорные, к вершине Камней Красных,
Где Гитчи Маниту им встречу назначал.

В зеленой прерии, оружием покрыты,
Стояли воины, и лица их сердиты,
И пестротой боец похож на листопад.
Пронзало существо их ненависть большая,
Пылавшая в отцах их злоба вековая,
И роковым огнем горел их дикий взгляд.

Горели их глаза наследной злобой дикой,
И Гитчи Маниту глядел – Земли Владыка,
На всех собравшихся, – с страдальческим лицом,
Как бы отец-добряк, ценя порядок всякий,
Глядит на малышей, на ссоры их и драки.
Был Гитчи Маниту для всех племен отцом.

Взмахнув над толпами своей рукою правой,
Чтоб покорить сердца и бедные их нравы,
Чтоб освежить их жар тенистою рукою,
Он начал речь свою; был этот голос властный
Похож на водопад и шум его ужасный,
Когда в паденьи рев бросает неземной.

II

«Потомство жалкое мое и дорогое!
Внемлите разуму божеств, мои сыны!
Я, Гитчи Маниту, Владыка Жизни, стоя
Пред вами, говорю: ах, этим странам мною
Олени и медведь, бизон и бобр даны.

Я сделал легкими и ловлю, и охоту.
Охотник! Для чего ж убийцею ты стал?
Наполнил птицами я топкие болота.
О неслухи! Иль вам недостает чего-то?
О человек! Зачем в соседа ты стрелял?

Воистину устал я от кровопролитий!
У вас взывания преступные с мольбой.
В раздорах для себя погибель вы таите.
В согласьи ваша мощь. Как братья вы живите,
Умейте сохранять вы мир между собой.

Пророка скоро к вам пришлю я издалека,
Чтоб, вас уча, страдал он с вами заодно.
Жизнь станет праздничной у вас от слов пророка.
Но, коль не внемлите вы мудрости глубокой,
Всем, дети бедные, погибнуть суждено.

Свой вид воинственный отмойте вы в пучине.
Есть много тростников, утесов и вершин,
Чтоб трубки выделать. Довольно войн мужчине!

Достаточно лить кровь! Живите братски ныне
И Трубку Мира все курите, как один!»

III

Оружье на землю внезапно бросил всякий,
В ручье поспешно смыл войны и боя знаки,
Что делали их лбы торжественней и злей.
Всяк трубку смастерил и вырвал из пучины
С завидной ловкостью тростник прибрежный, длинный.
Смеялся Маниту, взирая на детей.

И в каждого сошел дух восхищенно смирный,
А Гитчи Маниту, Владыка Жизни, мирно
Чрез запертую дверь вознесся в небосклон.
– Сквозь пышные пары и облака, сияя,
Торжественно Велик, светло благоухая,
Вносился Властелин, работой восхищен.

86.

МОЛИТВА ЯЗЫЧНИКА**<LA PRIÈRE D'UN PAIEN>**

Не ослабляй свое горенье
И сердце мне согрей в груди,
О страсть, о ты, души мученье!
Diva! Supplicem exaudi!*

О вездесущая богиня!
Заставь в нас недра пламенеть.
О сердце, посвящает, стыня,
Тебе своих напевов медь!

Страсть! Будь царицей неизменно!
Прими обличие сирены
Из плоти нашей и шелков!

Или добавь тяжелых снов
В бесформенное опьяненье!
О страсть! О гибкое виденье!

* Богиня! Умоляющего услышь! (лат.).

87.

КРЫШКА
<LE COUVERCLE>

Где б ни был человек, – на суше ль, в море ль черном,
Под солнцем огненным, под белым ли лучом,
Блестящим Крезом будь, в Кифере ли придворным
Иль нищим жалобным, Христовым ли рабом,

Будь домоседом он, будь вялым иль упорным,
Будь горожанином, бродягой, мужиком, –
Везде глядит он в высь своим зрачком покорным,
И страх пред тайною всегда довлеет в нем.

Там – Небо! Ты – стена нас давящего склепа,
Зажженный потолок над оперой нелепой,
Где почву, влажную от крови, топчет шут;

Мечта – отшельникам и Ужас – всем блудящим,
Ты – крышка черная над тем котлом кипящим,
Где Человечество бесчисленное жгут.

88.

НЕПРЕДВИДЕННОЕ

<L'IMPRÉVU>

Близ бледного отца, в его предсмертный час,
Сын Гарпагон уже прикидывал, мечтая:
«Мне кажется, у нас гнилых досок запас
Давно валяется в сарае!»

«Душа моя добра, а красота дана,
Конечно, Богом мне!» – кичится Селимена.
– А сердце черствое, как будто ветчина,
Копченая в огне Геенны.

Вонючий журналист, сравнив себя с свечой,
Твердит несчастному, кто тонет в тьме исконной:
«Где видится тебе Красот создатель твой,
Защитник бедняков хваленый?»

Но знаю лучше всех, развратники, я вас!
Вы лжете день и ночь и плачетесь, стеная,
С бессильной наглостью твердя: «Я через час
Стать добродетельным мечтаю!»

И тихо, в свой черед, твердят часы: «Сполна
Он осужден. Вотще мы плоть предупредили:
Слеп человек и глух, и бретен, как стена,
Что черви, вжившись, подточили!»

И вот приходит Тот, кто презрен много дней,
И повторяет всем с усмешкою: «Бесспорно,
Что причастились вы довольно за моей
Обедней радостной и черной!

Мне храм сооружен в душе у вас у всех!
Вы целовали зад нечистый мой украдкой!
Узнайте ж Сатану, чей всепобеден смех
Громадный и, как мир ваш, гадкий!

Меня, Властителя, пытались вы ввести
В обман, лукавые ханжи, в душе мечтая
Себе неправедно два блага обрести:
В богатстве жить, достигнув Рая!

К охотнику попасть настал для дичи час!
Тенетами давно, как дичь, вас стерегу я!
Товарищи моих веселий грустных! Вас
Я увлеку сквозь толщу земную!

Сквозь толщу всей земли и через толщу скал,
Через развалины, воздвигнутые прахом,
В большой, как я, дворец, который я ваял
Не из камней единым взмахом!

Дворец построен мной из мировых грехов,
И в нем и спесь моя, и скорбь, и честь, и беды!»
– И в этот миг вверху, с вселенских облаков
Архангел вострубил победу

Тем, чья душа твердит: «Бич благостен будь твой,
Господь, и наша скорбь, Отец, – благословенна!
Наш дух в твоих руках не стал игрой пустой,
Твоя премудрость неизменна!»

В часы небесных жатв, вечернею порой,
Так упоительно рогов трубящих пенье,
Что, как восторг, оно процедится струей
Во всех, кому поет хваленья!

89.

ИСПЫТАНЬЕ ПОЛНОЧИ

<L'EXAMEN DE MINUIT>

Пробивши полночь в тишине,
Часы с насмешкой вопрошали,
Чтоб мы немедленно им дали
Отчет об отошедшем дне:
– Сегодня дата роковая:
Тринадцать. Пятница. Идем
Мы еретическим путем,
Свои познания отрицая!

Беспорнейшего меж Богов,
Исуса мы оклеветали
И, словно приживалки, жрали
У страшных крзовых столов,
Вкус скотский удовлетворяя;
Как верный Демонов вассал,
Клеймили мы свой идеал,
То, что претило, восхваляя!

Всех презираемых толпой
Крушили с рвением палачьим,
Невежеству со лбом бычачьим
Привет мы посылали свой;
Тупое Естество лобзали
Мы, раболепно преклонясь;
Душевного гниенья мразь
И бледный свет благословляли!

Пытаясь разум утопить
Средь бреда головокружений,
Жрецы достойных песнопений,
Чей славный долг – разоблачить
Деянья темные злодея,
Безмерно жрали, пили мы!..
– Задует лампу, чтоб среди тьмы
Могли мы спрятаться скорее!

90.

ПЕЧАЛЬНЫЙ МАДРИГАЛ
<MADRIGAL TRISTE>

Мне всё равно: была ль ты честной!
Красиво-грустной будь! От слез
Лицо становится прелестней,
Как от разлива – вид окрестный
И как цветы – от сильных гроз!

Люблю тебя, когда умчится
Веселье с мрачного чела,
И сердце в ужас погрузится,
И ныне на лице сгустится
Жестокого былого мгла.

Когда глаза твои большие
Поток теплей, чем кровь, струят,
И руки зря тяну мои я,
И, словно стоны агонии,
Печали дух твой тяготят.

Небесное очарованье!
О сладкий гимн! Вдыхаю тут
Твои глубокие рыдания
И верю, что в душе – блистанье
Тех перлов, что из глаз текут.

Я знаю: в сердце снова зреет
Пыл старый, что давно потух;
Как горн, он снова пламенеет,
И знаю я, что в сердце тлеет
Приговоренных гордый дух.

Пока мечтами, дорогая,
Отобразить не сможешь Ад,
Пока, в сне тяжком утопая
И сталь и порох обожая,
Влюбленная и в меч, и в яд,

Дверь открывая в опасеньи
Повсюду видимого зла,
Боясь часов и их хрипенья,
Пока жестокого Презренья
Объятия не поняла, –

Да, до тех пор рабе-царице,
Кто любит с ужасом меня,
Душою крикнуть не решиться
Сквозь страх, что в ночь больную длится:
«Король мой! Я – тебе ровня!»

91.

ПРЕДОСТЕРЕГАТЕЛЬ**<L'AVERTISSEUR>**

На троне сердца всех людей,
Кто этого достоин званья,
Есть Желтый Змей. На все желанья
Твои – «Нет» отвечает Змей.

Взор захотим свой упереть мы
В глаз Сатирессы иль Ведьмы, –
А Зуб: «Ты долг не признаешь!»

Рожай детей, сажай растенья,
Мни глину, создавай творенья, –
А Зуб: «Ты ночь переживешь?»

Так вечно человеку надо,
Начавши с верой создавать,
Предупреждениям внимать
Невыносимейшего Гада.

92.

МАЛАБАРКЕ
<A UNE MALABARAISE>

Нога изящней рук; красе же бедер спелых
Завидовать могли б и лучшие из белых!
Мечте художника твой стан так сладко мил,
А бархат глаз больших черней, чем кожа, был;
Ты Богом рождена в стране жары и сини,
Чтоб трубку зажигать для мужа, чтоб в кувшине
Благоуханье вод прохладных сохранять,
Жужжащих комаров от ложа отгонять,
Купить в час утренний, когда поют платаны,
На рынке ананас и спелые бананы,
Привольно целый день без башмаков блуждать,
Неведомую песнь тихонько напевать;
Когда же вечер плащ раскинет рдяно-алый,
Ты на циновку спать уляжешься устало,
Твои цветущие, стремящиеся сны
Прекрасны, как и ты, и птицами полны.
Счастливое дитя! Зачем в наш край стремиться?
Край переполненный в страдании томится!

Вручая жизнь свою могучим морякам,
Зачем твердить «прощай» излюбленным плодам?
Едва прикрытая муслинами наряда
И вся дрожащая от снега и от града,
О, как оплачешь ты досуг привольный свой,
Когда твои бока сожмет корсет тугой,
И станешь ты искать еду в грязи разврата,
И продавать красы нездешней ароматы,
И будет глаз искать в тумане вечеров
Виденье тщетное кокосовых стволов!

93.

ГОЛОС
<LA VOIX>

Стояла колыбель моя в библиотеке.
О вавилонский столп романов, сказок, книг.
Там смешивали пыль с латинским прахом греки.
Мой рост тогда едва ин-фолио достиг.
Слышал два голоса. Один, упрямый, смело
Твердил: «Пойми: земля – как сладостный пирог!
И я бы (чтоб имел ты радость без предела!)
Твой сделать аппетит большим таким же мог!»
Другой: «Идем! Идем, о путник, в край мечтаний,
За грань возможного, в неведомый предел!»
Крикливый призрак мне, из-за безвестной грани
Тайком явившийся, как ветер моря, пел.
Пугая душу, он мой слух ласкал отрадой,
Ему я отвечал: «Да, сладкий зов! Иду!»
И с этих самых пор, увы! Мне числить надо
Определенными судьбину и беду.

Я вижу странный мир за гранью отдаленной
Вселенной и на дне пречерных пропастей
И, ясновиденьем своим же побежденный,
Влачу, кусающих в пути мне ноги, змей.
И с этих самых пор я нежно обожаю,
Как прорицатели, пустыню и моря,
Смеюсь в день похорон, на празднике – рыдаю,
Вкус сладкий нахожу в вине горчайшем я.
Мне ложью кажутся и факты, и явленья,
И, очи вверх подняв, я в бездны пасть готов,
Но Голос мне твердит: «Храни свои виденья!
Безумных лучше сны, чем сны у мудрецов!»

94.

ГИМН
<HYMNE>

Такой прекрасной и сердечной,
Кто в душу пролила мне свет,
Тебе, мой ангел, идол вечный, –
На веки вечные – привет!

Ах, ты в мое существованье
Соленым воздухом вошла
И снова вечно жить желанье
В мой ненасытный дух влила.

О свежее саше, где милый
И сладкий запах тайника!
О позабытое кадило,
Всю ночь дымящее слегка!

Как выразить неисказимо
Любовь нетленную точней?
Ты мускусом живешь незримо
В глубинах вечности моей,

Такой прекрасной и сердечной,
Той, без кого мне счастья нет,
Тебе, мой ангел, идол вечный, –
На веки вечные – привет!

95.

НЕПОКОРНЫЙ

<LE REBELLE>

Орлом упав с небес, Архангел разъяренный,
Зажавши волосы неверного в кулак,
Кричит, тряся его: «Ты помнишь ли законы?
Твой Ангел добрый я! Внемли! Да будет так!

Урода, и глупца, и бедного, и злого,
Не сотворив гримас, любить обязан ты,
Чтоб под ноги мог в час сошествия Христова
Соткать торжественный ковер из доброты.

Да! Такова Любовь! Покуда сердце бьется,
Во славу Господа пускай восторг зажжется!
Вот Страсти подлинной нетленный идеал!»

Так, право же, любя и в тот же миг карая,
Терзала грешника длань Ангела большая,
Но: «Не желаю я!» – преступник отвечал.

96.

ГЛАЗА БЕРТЫ
<LES YEUX DE BERTHE>

Что ж! Презирайте вы прославленные очи,
Глаза моей любви, которые не прочь
Лить нечто доброе и сладкое, как Ночь!
Краса очей! Пролей чудесный сумрак ночи!

Большие, со смолой, твои глаза, дитя, –
Как грот таинственный, где позади громады
Теней беспечных есть неведомые клады,
Которые лежат, загадочно блестя.

Огромные глаза темны и безучастны!
О Ночь громадная, как ты, пылает взгляд!
Огни – вы мысль Любви иль Веры, что горят
На самой глубине невинно или страстно.

97.

ФОНТАН
<LE JET D'EAU>

Не поднимай, подруга, нежный
Свой взор, что опустила вниз,
Застывши в позе той небрежной,
Как захватил тебя сюрприз.
Фонтан в саду весь день болтает
И ночью не умолкнет он,
Восторг он сладкий выражает,
В него я страстью погружен!

Бьет сноп, весь пламенея
 Стотысячным цветком,
И резвая Фебея
 Смешала краски в нем;
Он падает, слабея,
 Широких слез дождем.

Вот так твой дух, испепеленный
Огнем пылающих страстей,
Наверх, в обширность небосклона,
Летит быстрее и смелей,
А позже никнет, умирая,
Грустя в тоскующей волне,
Путем незримым проникая
И падая на сердце мне.

Бьет сноп, весь пламенея
 Стотысячным цветком,
И резвая Фебея
 Смешала краски в нем;
Он падает, слабея,
 Широких слез дождем.

Ночь даст тебе очарованье!
Так сладко мне, обняв твой стан,
Внимать извечное рыданье,
Что погружается в фонтан.
Луна, звон вод и час полночный,
Кругом – дрожание ветвей, –
В печали нашей непорочной
Блеск зеркала любви моей.

Бьет сноп, весь пламенея
 Стотысячным цветком,

И резвая Фебея
Смешала краски в нем;
Он падает, слабея,
Широких слез дождем.

98.

ОБРОК

<LA RANÇON>

Тебе, чтоб мог оброк отдать,
Дано два богатейших поля,
И должен человек их вволю
Железом разума вскопать.

Чтоб вырастить цветок бессильный,
Чтоб редкий колос возрастить,
Ты должен почву оросить
Слезой соленой и обильной.

Искусство и Любовь – поля!
– Чтоб приговор благоприятный
В день судный, строгий и превратный,
Был вынесен и для тебя, –

Яви судье ты помещенье,
Где есть цветы, где хлеб лежит,
Чтоб заслужил их цвет и вид
Архангельское одобренье.

99.

ДАЛЕКО ОТСЮДА**<BIEN LOIN D'ICI>**

Вот этот дом священный, где ты,
Подруга, празднично одета,
Всегда готова для поэта,

Следишь, закрывши грудь рукой,
Уткнув в подушки локоть свой,
Ты за бассейновой слезой!

Да! Здесь покои Доротеи.
– Вода и ветер песнь поют,
Рыданья возбуждая ею,
Чтоб усыпить дитя скорее.

И кожу нежную ей тут
Благоуханием еля
Весьма старательно натрут.
– А в уголке цветы растут.

100.

ЗАКАТ РОМАНТИЧЕСКОГО СОЛНЦА

<LE COUCHER DU SOLEIL ROMANTIQUE>

Диск Солнечный хорош, когда он, встав, прохладный
Бросает нам, как взрыв, привет своих лучей.
– Благословенен тот, кто мог в любви своей
Приветить свой закат мечтательно отрадней!

Я помню: видел я поля, цветы и ключ
Под солнцем нежились, как трепет сердца, млея...
– Скорей на горизонт! Уж поздно! Ну! Скорее,
Чтоб захватить могли хотя б последний луч!

Но Бога, что бежит, преследую напрасно;
Неодолимое царенье Ночи властной,
И черной, и сырой, что дрожь и смерть несет.

Могильный аромат во мраке возникает,
Холодных слизняков и скользких жаб сминает
Трусливая нога средь топей и болот.

101.

К КАРТИНЕ ЭЖЕНА ДЕЛАКРУА**«ТАССО В ТЕМНИЦЕ»****<SUR LE «TASSE EN PRISON» D'EUGÈNE DELACROIX>**

В сырой тюрьме поэт больной, полунагой
Топтал свой манускрипт трясущейся ногой
И мерил в ужасе воспаленным глазом
Крутую лестницу, где остутился разум.

Темницу хохотом наполнил пьяный шум,
К безумству странному он призывает ум;
Страх, мерзкий и смешной, что много лиц имеет,
И рой Сомнения вокруг поэта реют.

Да! Гений, запертый в обители сырой,
Ужимки, этот вопль, виденья, что толпой,
Бунтуя, кружатся, поэта слух тревожа,

Мечтатель, ужасом оторванный от ложа, –
Вот символ твой, Душа, с неясною мечтой:
Тебя Действительность теснит своей тюрьмой!

102.

ПРОПАСТЬ
<LE GOUFFRE>

Лелеял пропасть ты, Паскаль, своей душой.
Увы! Всё – пропасти! Дела, мечты, желанья,
Слова! – И чувствует порою колыханье
Пугающих ветров встающий волос мой.

Вверху, внизу, везде – лишь глубина, молчанье,
Пространство страшное в неволе роковой.
На дне моих ночей перст Господа благой
Рисует всяческий кошмар без окончанья.

Я снов своих боюсь, как бы огромных дыр;
Нас беспредельный страх влечет в безвестный мир.
Лишь бесконечность я слежу в окне туманном!

Всегда безумия полна душа моя,
К Небытию без чувств всегда ревную я.
– Из Числ и Бытия не выйти никогда нам!

103.

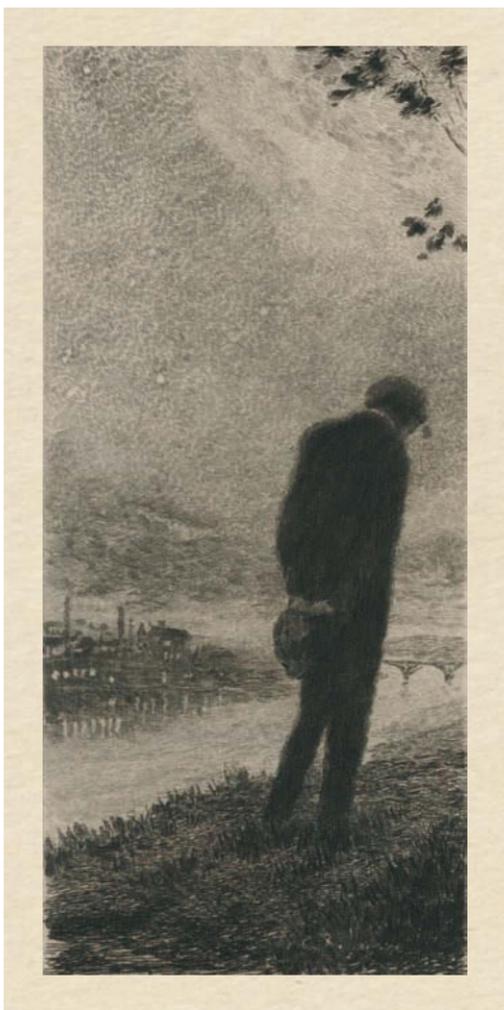
ЖАЛОБЫ ИКАРА**<LES PLAINTES D'UN ICARE>**

Те славны и не знают муки,
Кто пошлый возлюбил удел;
Я облака обнять хотел,
И вот мои разбиты руки.

Виною звезды, что горят
Так несравнимо в небе ночи,
Что потухающие очи
Лишь солнце в памяти хранят.

Я жаждал отыскать напрасно
Конец в пространстве мировом,
И вот неведомым лучом
Мне крылья опалило властно.

Я страстью к красоте сожжен;
Мне высшей чести не окажут
И с именем моим не свяжут
Ту пропасть, где я погребен.

104.

СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ

<RECUEILLEMENT>

О Скорбь! Спокойной будь и мудрою! Тобою
Был вызван Вечер. Он к тебе нисходит. Вот.
И сумрак обволоку окрестность пеленою,
Несущей – мир одним, другим – миллион забот.

Покуда смертные презренною толпою
Идут раскаяться на рабский праздник тот,
Нещадно бьет хлыстом их Наслаждение злое.
О Скорбь! Твоя рука пусть руку мне пожмет

Вдали от них. – Смотри: с балконов небосвода
Глядят умершие, в одеждах ветхих Годы,
И Сожаление смеется под водой.

Диск Солнечный заснул под аркой, умирая;
Следи, любимая: огромный саван свой
Ночь сладостно влачит, к Востоку выступая!

105.

САМОБИЧЕВАНЬЕ
<L'HEAUTONTIMOROU MENOS>

Посвящено Ж.Ж.Ф.

Как живодер, тебе удары
Без злости нанесу своей,
Как будто скалам – Моисей;
Чтоб напоить мою Сахару,

Из-под твоих ресниц забить
Заставлю я струю страданья;
Надеждой вздутое желанье
Средь слез соленых сможет плыть,

Как бы корабль среди океана.
В душе, что слезы напоят,
Твои рыданья прогремят,
Как пред атакой барабаны!

Иль фальшь аккорда я, что взят
Среди божественных симфоний
По жадной милости Ироний,
Которые меня разят?

Ты в голосе моем, крикунья!
Ты – кровь моя, ты – черный яд!
Я – зеркало, куда глядят
Зловещие глаза колдуньи.

Я – рана, нож я в тот же миг!
Щека и со щекой расправа!
Орудье пытки и суставы!
И жертва я, и я – мясник!

Вампир я, кто сам дух свой гложет!
– Один из проклятых я тех,
Кто осужден на вечный смех
И больше хохотать не может!

106.

НЕИСЦЕЛИМОЕ
<L'IRRÉMÉDIABLE>**I**

Мысль, Форма, Бытие, что прыгнет
С лазури, чтобы в Стикс нырнуть,
Где грязь свинцовая и муть,
Куда глаз Неба не достигнет;

Архангел, в странствиях глупец,
В ком – к безобразному влеченье,
В глубинах страшного виденья,
В тоске смертельной, как пловец,

Еще мечтающий бороться,
Когда огромный вал встает
И как безумный заревет
Пред тем, как в мраке расколется;

Иль очарованный, в своей
Попытке жалкой напрягаясь
Найти ключи и свет, стараясь
Уйти из мест, где столько змей;

В мрак подземелия зловонный,
Твердящий о гниении нам,
По бесперильным ступеням
Без ламп идущий осужденный,

Туда, где много змей таких,
Чьи фосфорические очи
Мрак делают чернее ночи
И невидимей их самих;

Корабль на полюсе, там, где-то,
Хрустальной взятый западней,
Не знающий: какой струей
Заброшен он в темницу эту;

– В эмблемах этих отражен
Наш рок, который допускает,
Что всё, что Дьявол ни свершает,
Отлично совершает он!

II

Одновременно свет и тени,
Дух, превращенный в зеркала,
Колодец Правд, где свет и тьма,
И звезд багровых отраженье;

Маяк, что бездна нам зажгла,
И адских милостей горенье,
Со славой вместе утешенье, –
– Вот в чем познание Зла!

107.

ЧАСЫ
<L'HORLOGE>

Часы! Пугающий и хладнокровный гений,
Чей палец нам грозит и шепчет: НЕ ЗАБУДЬ!
И Скорбь дрожащая в напуганную грудь
Твою вонзается, как будто бы в мишени.

Стремит за горизонт Восторг туманный бег,
В кулисах таково сильфид исчезновенье.
И каждый миг пожрет кусок от наслажденья,
Которое дано тебе на весь твой век.

Три тысячи шестьсот Секунд, что ежечасно
Твердят: НЕ ПОЗАБУДЬ! Сегодня говорит:
«Я – Некогда»; оно быстрее цикад твердит:
«Знай: высосет твою жизнь хобот мой ужасный!»

РЕМЕМБЕР! НЕ ЗАБУДЬ! И ЭСТО МЕМОР! – Знай!
Наречьем всех племен гортань заговорила!
Минуты резвые напоминают жилы:
Не взяв всё золото, породы не бросай!

Знай: Время – что игрок, который не обманет,
Но обыграет нас! Таков закон и путь!
День меньше стал, а ночь густеет; НЕ ЗАБУДЬ:
Век бездна голодна. В часах уже песка нет.

И вскоре час пробьет. Последний твой приют, –
Твой Стыд, Раскаянье, Небесный случай, вместе
И Целомудренность, – жена с девичьей честью, –
«Трус! Срок исполнился! Умри же!» – изрекут.

~ ПАРИЖСКИЕ КАРТИНЫ ~

< TABLEAUX PARISIENS >

108.

ПЕЙЗАЖ
<PAYSAGE>

Хотел бы близ небес я спать, как астрологи,
Чтоб сочинять свои пристойные эклоги;
Сосед церквей, – внимать, в мечтанья погружен,
Их гимн торжественный, что ветром донесен.
И, подперев лицо, в мансарде, с возвышенья,
Услышу мастерских я болтовню и пенье;
Как мачты, шпиль церквей смогу я наблюдать
И небо, что велит о вечности мечтать!

Как сладко сквозь туман увидеть зароженье
Звезды на синеве, на окнах – ламп горенье,
И реки дымные, что всходят в небосвод,

Свет обаятельный, что бледный месяц льет.
Увижу осени, и летний день, и весны;
Когда ж придет зима со стужею несносной,
Закрою ставни я и шторы на дверях,
Чтоб выстроить дворец волшебный мой в мечтах.
И синий горизонт я воссоздам в мечтаньи,
Сады и алебастр, фонтанное рыданье,
Птиц, что поют и днем и ночью, ласки вид, –
Всё, что Идиллия ребячливо таит.
И Бунт, стучащийся в дверь, в стекла окон тщетно,
Не оторвет меня от записи заветной;
Я буду погружен в свою мечту одну:
Как силой воли мне себе вернуть Весну,
Как из души извлечь мне солнышка сиянье,
Как превратить в тепло горящие мечтанья?!

109.

СОЛНЦЕ
<LE SOLEIL>

Когда в предместьях старинных, где у окон
С решеткой ставень, чтоб скрыть тайну страсти мог он,
Вдруг солнце застучит своим лучом двойным
По хлебу, по лугам, по крышам городским, –
Игре таинственной я предаваться буду:
Созвучья редкие я вынюхав повсюду,
Хромая по строкам, как бы по мостовой,
Я буду гнать стихи, таимые мечтой.

Кормилец-солнышко! Враг немочи и боли!
Как розы, ты стихи выращиваешь в поле;
Как пар, заботы прочь ты гонишь к небесам,
Как ульям, даруешь обильный мед мозгам;
Калек на костылях ты в миг омоложаешь,
Их сладкой радостью, как дев, ты награждаешь,
Прикажешь, – и посев родится иль умрет
В бессмертном сердце, где желанье цвезть живет;

Когда же в города ты, как поэт, нисходишь,
Всё изменное ты, Луч Солнца, благородишь;
Без суеты и слуг ты царствовать готов
В палатах всех больниц, в палатах всех дворцов.

110.

ЛОЛА ДЕ ВАЛАНС

<LOLA DE VALENCE>

Надпись к картине Эдуарда Мане

Средь всюду видимой и разной красоты,
Понятно мне, друзья, что ум наш в колебаньи, –
Но в Лола де Валанс – нежданное сиянье
Чарующей игры, и роз, и черноты.

111.

ОСКОРБЛЕННАЯ ЛУНА

<LA LUNE OFFENSÉE>

Луна, кого отцы любили затаенно,
В гареме искристом и в крае голубом,
Где в платье праздничном рой звезд плывет кругом, –
О Цинтия моя! О лампа средь притона! –

Что видишь ты: двоих в постели, спящих сонно,
И свежую эмаль над их открытым ртом,
Поэта гордый лоб, склоненный над трудом,
Совокупенье змей в сухой траве газона?!

Иль ты плывешь тайком в лимонном домино,
Чтоб с ночи до утра, как встарь давным-давно,
Лобзать увядшую красу Эндимиона?

– «Сын обнищавших лет! Твоя мне мать видна:
Пред зеркалом, забыв про возраст свой преклонный,
Тебя вскормившую там пудрит грудь она!»

112.

РЫЖЕЙ НИЩЕНКЕ
<A UNE MENDIANTE ROUSSE>

Белая девушка с рыжей косой!
Платье проношенное и с дырой
Всем показало твою бедноту
И красоту.

Пусть твоя кожа веснушек полна,
Но для плохого поэта она,
Хоть у нее и болезненный вид, –
Прелесть таит.

Носишь из дерева ты башмаки,
Но на тебе они так же легки,
Словно из бархата туфли цариц
С книжных страниц.

Если б одежду, что очень стара,
Ты бы сменила на платье двора,
С шлейфом, которого складки шумят
В блеске до пят!

Если бы вместо дырявых чулок
Полюбоваться пройдоха бы мог,
Как на бедре твоём вновь засверкал
 Ценный кинжал!

Если б сквозь плохо подогнанный шов
Сразу открылись для наших грехов
Груды прекрасные, что веселей
 Блеска очей!

Если б осмелилась ты приказать
Людям покорным тебя раздевать
И отгоняла б ударом руки
 Тех, кто дерзки! –

Много б жемчужин тогда дорогих,
Много сонетов Беллю и других
Было б твоим обаянием чар
 Брошено в дар.

Строй раболепных поэтов готов
Был бы писать тебе строки стихов,
Робко следя за походкой твоей
 Вдоль ступеней.

В случай влюбленных немало пажей,
Много Ронсаров и знатных людей
Жадно стремились проникнуть бы тут
 В свежий приют.

Больше объятий, чем громких гербов
С лилией, мог насчитать твой альков,
И предписать свой закон Валуа
Ты бы могла!

Ныне же нищенствуешь тут и там,
Рухлядь собираешь и старенький хлам
Возле трактиров проезжих дорог,
Встав на порог.

И, исподлобья взглянув, ты бредешь
Мимо игрушек; цена-то им – грош,
Но не могу их, – меня ты прости! –
Я поднести.

Что ж! Без иных украшений бреди,
Без ароматов, камней на груди!
Есть лишь больная твоя нагота,
О красота!

113.

ЛЕБЕДЬ
<LE CYGNE>*Виктору Гюго***I**

Об Андромахе я мечтаю! – Как зеркало
Ничтожное, ручей, который отражал
Величественную печаль вдовы, бывало;
Как лживый Симоэнт, от слез он пухнуть стал.

Пока чрез Карусель новейшую иду я,
Ты память прошлую смог оживить, ручей.
– Былой Париж исчез! (Ах, внешность городскую
Нам легче изменить, чем сердце у людей!)

Немало выступов, упавшие колонны,
Трава, бараки, луг, блестящая в окне
Дрянь всевозможная, и грязь, и сор зеленый
От лужи и воды, – видны в мечтаньях мне.

Здесь встарь зверинец был. Здесь утренней порою,
В тот час, когда светлей прохладный небосклон
И Труд встает от сна, и пыльною грозой
От свалок воздух весь молчащий напоен, –

Я видел лебедя; сбежав из заточенья,
Ногою лапчатой он скреб по мостовой,
На землю белое ронял он оперенье,
Совал раскрытый клюв он в ручеек пустой.

Стремился сердцем в даль он, к озеру родному,
И крылья полоскал свои в пыли, взмолив:
«Вода! Пролей дождем! О прогремите, грома!»
И, бедный, представлял собой зловещий миф.

И прямо в небосвод, как бы герой Назона,
В свод, что насмешкою и синевой жесток,
Вздымал он голову на шее искривленной,
Как будто Богу он свой посылал урек!

II

Париж! Ты стал иным! Ну, а в моей печали
Нет перемен! – Дворцы, помосты и навоз
Иносказанием предместий старых стали;
Воспоминания, вы – крепче, чем утес!

Всё тот же образ здесь, пред Лувром, возникает:
Безумно движется огромный лебедь мой
И мне изгнанника, больной, напоминает
Он, пожираемый без отдыха мечтой.

Об Андромахе мысль!.. Пускай супруг твой сильный,
Как подлый скот, погиб под Пирровой рукой,
Ты в скорби склонена над пустотой могильной
Вдовою Гектора и Элена женой.

О негритянке мысль!.. Чахоточной, больною
Ты в грязь затоптана! Твой взор искать готов
За бесконечную туманную стеною
Надменной Африки кокосовых стволов.

Я думаю о тех, кому пришлось проститься
С тем, что им не вернуть; кто наглотался слез
И кто сосет Тоску, как добрую волчицу,
О бедных сиротах, что сохнут легче роз!

В лесу, где бродит ум, в огромный рог труби ты,
О Память старая, из полных сил своих
О тех матросах, кто на острове забыты,
Кто, пленный, побежден!.. А также – о других!

114.

СЕМЬ СТАРИКОВ
<LES SEPT VIEILLARDS>*Виктору Гюго*

В кишасщем городе и в полдень затолкают
Прохожих – призраки! О город, полный грез!
Как соки в узкие каналы протекают,
Так тайны ты струишь, властительный колосс!

Я утром проходил по улице печали,
Где здания росли от дыма в высоту
И набережную реки напоминали.
Желтеющий туман швырнул на пустоту

Одежду, что душе пристала лицедея.
Я нервы сдерживать был, как герой, готов,
И спорил я с душой усталою своею,
А пригород дрожал от тяжести возов.

Вдруг – предо мной старик. Лохмотье так убого,
И рыже так оно, как небо в час дождей.
Подачек нищий мог собрать бы очень много,
Коль злобы не было б в зрачках его очей.

Но нищего зрачок пропитан был, казалось,
Весь желчью. Взор колол, как иней в холода,
И, как Иудина, щетиной выдавалась,
Остра как меч, его большая борода.

И ноги под прямым углом с его спиною
Сходились; был он весь не сгорблен, а разбит.
Его обличие завершено клюкою,
А шаг беспомощен. Всё придавало вид

Скота больного иль трехногого еврея.
По грязи и по льду он, ковыляя, шел,
Как будто башмаком он трупы мял сильнее;
Не равнодушен он, на целый мир он зол.

За ним его двойник. Он тем же адом явлен,
Такая ж борода, такой же взор зрачков
И палка. К цели был неведомой направлен
Шаг странных призраков, столетних близнецов.

Чей гнусный умысел меня избрал мишенью?
Иль унижал меня какой-то случай злой?
Не меньше, чем семь раз, мгновенье от мгновенья,
Зловещий проходил старик передо мной.

Кому смешны мои волнения и ярость?
Кто в братском трепете, как я, не задрожит?
Пусть думает о том, что, несмотря на ярость,
Все семь чудовищ тех имели вечный вид!

Смогу ль, не умерев, увидеть я восьмого?
Такого ж грозного, кто словно Феникс злой,
Отец и сын семи, насмешливый, суровый?
– К кортежу адскому я встал скорей спиной.

И злой, как пьяница, пред кем мир раздвоился,
Домой вернулся я и запер дверь, больной;
Дух лихорадочный мой в ужасе томился,
Сраженный тайною нелепою такой.

Напрасно разум мой пристать пытался; яро
Его отбрасывал, резвясь, порыв ветров;
Мой дух плясал, плясал, челнок без мачт и старый,
Средь моря страшного, где нету берегов.

115.

МАЛЕНЬКИЕ СТАРУШКИ
<LES PETITES VIEILLES>

Виктору Гюго

I

В старинных городах, среди кривых извилин,
Где всё чарует нас и даже самый страх,
Мне нравится следить старух, чей вид умилен
И много странности в стареющих чертах.

Уродки страшные встарь женщинами были,
Звались Лаисами! Горбатых и смешных
Возлюбим их! Они ведь души сохранили!
В дырявых юбочках и в рубищах своих

Ползут, терзаемы жестокими ветрами,
От грохота карет испуганно дрожа
И, как реликвию, свой ридикюль с цветами
Или с фигурками нашитыми держа.

И, схожи с куклами, плетутся в даль старушки,
Как зверь израненный, они порой спешат
Иль пляшут нехотя, как жалкие игрушки
На нитке Сатаны! – У них, разбитых, взгляд

Острее бурава; о этот взгляд, который
Схож с ямкой, где вода, блистая, ночью спит.
Их взоры – девочки божественные взоры,
Что в удивлении сквозь смех на мир глядит.

– Заметили ли вы, что в стариковском гробе
Размер, как гробика для ребяташек, – мал?
Смерть мудрая, создав для двух гробов подобье,
Вложила в сходство смысл, чтоб странностью пленял.

Когда я призрак тот тщедушный повстречаю,
Пересекающий бурлящий наш Париж, –
Больное существо! – то я предполагаю,
Что в люльку новую ты сладостно спешишь!

И, оглядев старух, не удержусь я, чтобы
Ты, мысль, как геометр, исчислить не смогла:
О, сколько сменит раз рабочий форму гроба
Из дерева, куда положатся тела?!

– Глаза – колодези, прорытые слезою,
Металл сверкающий, остывший в тигелях.
Для тех, кто вскормлен был суровою Бедою,
Так много прелести в таинственных глазах!

II

Фраскати древнего влюбленная Весталка
Иль жрица Талии, чье имя знать могли
Одни суфлеры! Вы, кто встарь звались фиалкой
Иль ветреницею известной в Тиволи, –

Меня пьяните вы! – Меж хрупкими бывали
Такие, что, печаль в мед сладкий превратив,
Твердили подвигам, что крылья предлагали:
«Взнеси на небеса, могучий Гиппогриф!»

Одна к скорбям была приучена страною,
Других – страданьем муж умел отягощать,
А третьих сделал сын страдальцей святою!
Вы реку бы могли из ваших слез создать!

III

Я за старушками порой слежу. – Бывало,
Одна из них в тот час, когда в огнях лучей
Всё небо ранами кровавыми блистало,
Печально на одну садилась из скамей

И тихо слушала концерт, богатый медью
Военной музыки, наполнившей наш сад
И лившей в сердце всех гулявших зов к победе.
Под вечер золотой мелодии живут.

И, помня правила держаться прямо, чинно,
Она впивала гимн живой, что к бою звал,
И глаз ее порой открыт был, как орлиный,
Лоб мраморный ее, казалось, лавров ждал.

IV

Так вы проходите через хаос столицы
Живой, надменные, без жалобы совсем,
Мать, чья душа в крови, святая иль блудница,
Чьи прежде имена известны были всем.

Вас, кто был грацией и кто покрыт был славой,
Не ведает никто! – И пьяница порой
К вам пристаёт, зовя к утехам, для забавы;
За вашим рубищем оборвыш скачет злой.

Стыдясь существовать, о сгорбленные тени,
Вы крадетесь вдоль стен, и стан согнул ваш страх.
Рок странный! Вам никто не выкажет почтения!
Для вечности созрел ваш человеческий прах!

Я нежно издали за вами наблюдаю,
Неверные шаги следит мой взор с тоской.
Я, словно ваш отец, вас видя, ощущаю
Восторги тайные сочувственной душой.

Я воскрешаю вновь наивность увлечения,
Сияние и мрак прошедших ваших дней.
В пороках ваших есть для сердца наслаждение,
А в добродетелях – восторг душе моей!

Развалины! Друзья! С моим ваш разум схожий!
Вам каждый вечер шлю торжественный привет!
До завтра жить ли вам? Гнет тяжелой длани Божьей
Над вами, Евами восьмидесяти лет!

116.

СЛЕПЦЫ
<LES AVEUGLES>

Душа! Смотри на них! Действительно: страшны!
Как манекен, они шатаются комично;
Как бы лунатики – ужасны, необычны;
Шары вперенные куда-то их – мрачны.

Подъяты к небесам, как будто смотрят в дали,
Глаза, отколь ушли небесные огни.
Но не видал никто, чтоб к мостовой они
Раздумье головы мечтательно склоняли.

Чрез беспредельный мрак, столь схожий с тишиной
Извечною, бредут. О город! Голос твой
Вкруг нас поет, мычит, смеется в истерии.

Ты до жестокости восторгами пленен.
Безумец больше их, бреду я, кинув стон:
– Что в небе вы найти хотите, все слепые?!

117.

ПРОХОЖЕЙ
<A UNE PASSANTE>

Рычала улица, бурля вокруг меня.
Вдруг женщина прошла, тонка, стройна собою,
В печали царственной, тщеславною рукою
Фестоны приподняв и захватив края,

Проворна и горда, с ногой точеней статуй.
Безумно скорчась, пил я сладость, что слепит,
И страсть мертвящую во взоре, что хранит
Источник бурь, как свод багрово-синеватый.

Блеск молний... Позже ночь!.. О беглость красоты!
Ты взорами меня так часто воскрешала!
Ужель лишь в вечности вновь встретишься мне ты?

Так поздно?!.. И не здесь!.. Иль Никогда?!.. Не знала,
Куда я шел, а я – не знал, куда ты шла.
Тебя б я мог любить – ты это поняла!

118.

СКЕЛЕТ-ЗЕМЛЕПАШЕЦ
<LE SQUELETTE LABOUREUR>

I

В анатомических таблицах,
Которых в пыльных лавках тьма,
Где медицинские тома
Спят, словно мумии в гробницах,

Рисунок, сделанный рукой
Художника с суровым знаньем,
Хоть и печален содержаньем,
Но всё ж наполнен Красотой.

Но страх таинственный являет
Картина нам всего точней,
Когда изображенный в ней
Скелет, как пахарь, грунт копает.

II

Напрягши силу позвонков
И мускул вовсе обнаженный,
Безмолвный пахарь похоронный,
Кандальник мертвых костяков, –

Какой же с целины трудами
Посев ты странный соберешь?
Какому фермеру набьешь
Амбары этими хлебами?

Иль хочешь доказать такой
Эмблемой страшной и унылой,
Что тщетно и на дне могилы
Искать обещанный покой?

Что и Небытие обманно?
Что всё – и даже Смерть – нам лжет,
И каждому, кто ни умрет,
Увы! придется беспрестанно

В стране безвестной и иной
Тебя копать, земля тугая,
На заступ тяжкий налегая
Кровавой и босой ногой?!

119.

ВЕЧЕРНИЕ СУМЕРКИ
<LE CRÉPUSCULE DU SOIR>

Вот вечер сладостный. Он – преступлений друг!
К нам, как сообщник наш, подкрадется он вдруг;
И свод закроется неспешно, как альковы,
И люди, торопясь, зверями стать готовы.

Любимый вечер мой! Желанен ты рукам,
Что могут, не солгав, промолвить: «Мы трудам
День нынче отдали!» – Несешь ты утешенья
Умам, съедаемым жестокостью мученья,
Упрямым мудрецам с тяжелой головой,
Рабочим, кто согбен и заслужил покой.

Больные Демоны, по воздуху летая,
Проснутся тяжело, дельцов напоминая,
В затвор и в желоб крыш стучась своим крылом.
Среди мятущихся огней под ветерком

Ты, Проституция, на улицах пылаешь,
Как в муравейнике, все входы открываешь;
Везде таинственно пробьешь себе пути,
Как враг, что свой удар готов нам нанести.
Нечистоту сосеешь из городской ты груди,
Как позже червь пожрет всё, что пожрали Люди.
Чу! Кухонь слышится шипенье там и тут,
Театры твякают, оркестры заревут,
И входят в кабаки, где в картах наслажденье,
И шлюхи, и плуты, друзья их, в окруженьи
Воров, которые чрез несколько минут
Должны опять начать свой непрерывный труд:
Исподтишка взломать им дверь и кассы надо,
Чтоб два-три дня прожить и девке дать наряды.

Замкнись в себе, душа, в тяжелый этот миг!
Пускай не слышит слух твой этот дикий рык!
Вот час, когда больных их муки раздражают;
Глухая Ночь берет за горло; путь кончают
Они, и в братскую пора им пропасть лезть.
Больница полнится их вздохами, и есть
Едва ль один из них, кто суп благоуханный
Под вечер сможет съесть вблизи своей желанной!

А большинство из них успело ли вкусить
Отраду очага, не начиная жить?!

120.

ИГРА

<LE JEU>

На креслах выцветших старухи-куртизанки,
Со взглядом роковым и с краскою бровей,
Расселись немощно, с жеманностью осанки;
Металла и камней стук из худых ушей.

К зеленому сукну – без губ нагнулись лица,
И губы бледные, и рот беззубый там!
В горячке дьявольской, трясясь, рука стремится
К пустым кармашкам и к трепещущим грудям.

С плафона грязного огромнейших кинкетов
И бледных люстр ряды свое мерцанье льют
На мрачное чело прославленных поэтов,
Пришедших промотать кровавый, потный труд.

Картина черная полночного мечтанья
Прошла перед зрачком всевидящим моим:
Я видел, как я сам в вертепе, средь молчанья,
И холоден, и нем, склонился, недвижим,

Завидуя страстям, владеющим душою,
Веселью мрачному стареющих блядей
И всем, торгующим отважно предо мною
Кто – честью старую, кто – красотой своей.

И дух испуган мой, что зависть ощущает
К несчастным, кто в провал зияющий спешат,
Ко всем, кто кровью сыт и кто предпочитает
Своей печали – смерть и жалкой жизни – ад!

121.

ПЛЯСКА СМЕРТИ
<DANSE MACABRE>*Эрнесту Кристофу*

Как в жизни некогда, горда; стан благородный,
Большой букет цветов, перчаток белизна;
Развязна чересчур, с манерностью свободной
Кокетки высохшей имеет вид она.

Кто тоньше талию встречал в разгаре бала?
На царской полноте простор одежд до ног
Безвольно ниспадал, и ноги ущемляла
Туфля; на ней помпон прекрасный, как цветок.

Резвится легкий рюш на краешке ключицы,
Как трется ручеек о скалы, похотлив;
Стыдливо от смешков он помогает скрыться
Могильным прелестям, собою их прикрыв.

И череп, мастерски украшенный цветами,
Чуть-чуть качается на ломких позвонках;
Из мрака сделаны ее глаза с зрачками.
– Краса ничтожества! В убранстве глупом прах!

Пусть многие зовут тебя карикатурой!
Понять ли им, кто пьян от плотской красоты,
Всё безымянное изящество природы?
Как раз по вкусу мне, скелет великий, ты!

С гримасой властной явилась, чтоб смятенье
В пир Жизненный внести ты? Иль порок былой,
О легковерная, на шабаш Наслажденья
Сегодня вновь толкнул живучий остов твой?

Иль отогнать кошмар насмешливый мечтаешь
Ты скрипок пением и пламенем свечей?
Потоком оргий ли ты обновить желаешь
Ад, пламенеющий досель в душе твоей?

Ошибок, глупостей родник неистощимый!
О перегонный куб для роковых скорбей!
Мне аспид видится, ничем не укротимый,
Сквозь погнутый забор стареющих костей.

Воистину боюсь: твое кокетство тщетно
И не заслужит здесь оно себе наград.

Кому из смертных душ ирония заметна?
Красоты ужаса лишь сильных опьянят.

Из бездны глаз твоих, где ужас размышлений,
Идет безумие, – и мудрость плясунов
Не в силах созерцать без горьких отворачиваний
Смех вечный тридцати двух видимых зубов!

Меж тем, кто не сжимал в объятиях скелета?
Кто не вкушал плодов ни разу гробовых?
Плевать на аромат, одежды туалета!
Тот мнит, что он хорош, кто отвергает их!

Скажи, безногая вакханка и долбило,
Танцорам пляшущим, кто болен слепотой:
– «Мои любимые! Сквозь пудру и белила
Вы смертью пахнете! Увядший Антиной,

Изысканный скелет и денди освеженный,
Труп лакированный, плешивый ловелас, –
Вселенский хоровод среди пляски похоронной
В края безвестные всех увлекает вас!

Туда, где Ганг блестит, где холодной Сены воды,
Табун людской бежит, и не увидит он
Трубы Архангела, торчащей в дыры свода,
Угрозой блещущей, как черный мушкетон.

Под солнцами всех стран, везде Смерть обожает
Твои кривляния, о жалкий род Людской,
И миррой, как и ты, она благоухает,
С твоим безумием сарказм сливая свой!»

122.

ЛЮБОВЬ ЗАБЛУЖДЕНИЯ**<L'AMOUR DU MENSONGE>**

Когда проходишь ты лениво, дорогая,
Под песнь, летящую до потолка, смычков,
Походку легкую изящно замедляя,
Стремя глубокий взор тоскующих зрачков,

Когда твой бледный лоб, от прелестей который
Еще прекраснее, огнем окрасит газ,
А пламя вечера зажжет на нем Аврору,
И как портрета взор, меня твой манит глаз, –

Я говорю: «О, как прекрасна и свежа ты!
Как башней царственной, ты памятью своей
Тяжелой венчана; душа, как персик мятый,
Созрела, как и плоть, для мудрости страстей!

Ты плод ли осени, что сбора ожидает?
Иль урна траура, которой надо слез?
Иль запах, что в мечтах оазис воскрешает?
Подушка нежная? Или корзина роз?

Да, есть глаза: в себе не держит затаенно
Секретов дорогих их грустная краса;
Ларцы без ценностей, без тайны – медальоны,
Вы глубже и пустей, чем сами небеса!

Чтоб душу оживить, что правды не хотела,
Правдоподобности не хватит ли одной?!
Будь равнодушной ты, будь глупой! – Мне нет дела!
Привет, о маска! Я пленен твоей красотой!»

123.

Я не забыл тебя, соседка городская,
Усадьба белая; тиха ты, небольшая!
Венеры старой торс, Помоны гипс красу
Нагую прятали в редующем лесу;
И солнце вечера надменное, сияя,
Ломало сноп лучей в окне, напоминая
Подсматривающий небесный глаз большой,
Следящий за немой, неспешною едой,
И льющий отсветы своих свечей большие
На полог саржевый, на скатерти простые.

124.

Служанка старая, с великою душою!
Ты, мирно спящая под дерном и землею, –
Должны тебе снести мы несколько цветков.
Есть скорбь великая у бедных мертвецов;
Когда шуршит Октябрь опавшею листвою
Над мрамором их плит с печалью ветровою,
В неблагодарности мертвец упреки шлет
Всем, кто в такие дни в тепле перин живет,
В то время, как они, под гнетом беспощадных
Снов черных, без друзей и без бесед отрадных,
Скелеты мерзлые, кого червяк грызет! –
Томятся, чувствуя, как зимний снег идет,
Как шествуют века; семья и друг их милый
Не сменят лоскутков, висящих над могилой!

И если вечером, когда, шипя, поют
Дрова, увижу я ее на этом кресле, тут,
Коль ночью декабря холодной, голубою
Она придет тайком к нам в комнату такую
Сердитой, вставшею с постели вековой,
На выросших детей взор устремляя свой,
Что праведной душе тогда сказать смогу я,
Во впадине пустой узрев слезу большую?!

125.

ТУМАНЫ И ДОЖДИ**<BRUMES ET PLUIES>**

Ах, осени конец, зима, весна сырая!
О время льстивое! Люблю вас, умоляя
Окутать сердце мне, а также разум мой
Туманным саваном, могильной пустотой.

О, над равниною, где ветер мчит, играя,
Под скрипы флюгеров, покуда ночь большая, –
Душа, охотнее, чем теплою весной,
Ты крылья ворона широкие открой!

Что слаще для души, наполненной могилой,
Для сердца, где давно и иней, и туман,
Чем, бледная пора, царица наших стран, –

Твой постоянный вид, и бледный, и унылый?!
– Иль в вечер без луны, вдвоем, залезть в кровать
Совсем случайную, чтоб горе усыплять!

126.

ПАРИЖСКАЯ МЕЧТА

<RÊVE PARISIEN>

Константину Гюису

I

Картина страшного пейзажа,
Невиданного до сих пор,
Еще сегодня утром даже
Сумела восхитить мой взор.

Сон, полный призрачных видений!
О, в странных прихотью мечтах
Весь мир изменчивых растений
Я уничтожил в этих снах.

Художник, горделивый гений,
Однообразно помещал
Я в пьяное изображение
Лишь воду, мрамор и металл.

И во дворце незавершенном
Был целый Вавилон аркад,
И в ярком золоте червонном
Фонтанов низвергался ряд.

И водопады тяжелели,
Как занавес хрустальный, там
И, обольщая, вниз летели
По металлическим стенам.

И не леса, а колоннады
Вкруг спящих высились озер,
Куда гигантские наяды,
Как женщины, бросали взор.

Как скатерть, воды голубые
Меж розово-зеленых скал.
Поток за грани мировые
На миллион миль выступал.

Утес, доселе небывавший,
И вал магический, и лед,
Своей громадой отражавший
И отраженный в свой черед!

Совсем беспечные молчали
Потоки Ганга и с вершин
Сокровища из урн сливали
В глубь бриллиантовых пучин.

Я, феерий творец, заставил,
Чтоб, мой осуществляя план,
В туннель алмазный бег направил
Мной укрощенный океан.

Всё, даже черное, сверкало
И принимало все тона,
И в луч кристальный облекала
Свое величие волна.

Ни звезд, ни солнечного света
Под низким сводом голубым,
Чтоб озарить причуду эту,
Сверкавшую огнем своим.

Над чудом, сверх его движенья
(Как новизны ужасен вид!
Ничто – для слуха, всё – для зренья!)
Молчанье вечности царит.

II

Открыв мой взор, огнем пылавший,
Я вновь лачугу различил,
И, снова сам собою ставши,
Шипы забот я ощутил.

Часы со звоном погребальным
Пробили полдень грубо так!
Над миром косным и печальным
Ты, небо, проливало мрак!

127.

УТРЕННИЕ СУМЕРКИ
<LE CRÉPUSCULE DU MATIN>

В казарменном дворе побудок напевает,
И ветер фонари под утро задувает.

То час, когда толпа видений злых во сне
Искорчит юношей, крутя по простыне.
Как кровью налитой дрожащий глаз мигает,
Так лампа красная пятно в рассвет кидает.
С тяжелой плотью дух в борении своем
Изображает бой меж лампою и днем.
Как слезы на лице, что ветер осушает,
Так полон воздух тем, что с дрожью убегает.
Бросает женщина – любовь, писатель – труд.

Струиться начал дым из зданий там и тут.
Но девкам уличным (у них красны ресницы
И рот открыт!) еще во сне тупом томиться!
Подруги бедняков, влача большую грудь,
Скорее начали на печь и пальцы дуть.
В тот час от холода и скупости – печали

И боли рожениц еще ужасней стали.
Как вопль, оборванный кровавой пеной ран,
Вдали крик петуха воздушный рвет туман.
Как океан, густой туман омыл постройки,
И умирающих на госпитальной койке
Летит последний хрип меж прерванных икот.
Кутила тащится, расслаблен от «работ».

В зелено-розовом дрожащая Аврора
Над Сеною пустой свой близит шаг нескорый.
Задумчивый Париж глаза протер и вмиг
Берет свой инструмент, – трудящийся старик!

~ ВИНО ~

< LE VIN >

128.

ДУША ВИНА
<L'AME DU VIN>

В бутылках, в поздний час, душа вина пропела:
«В темнице из стекла, под красным сургучом,
Тебе кидаю я, бедняк осиротельный,
Песнь, братством полную, и светом, и теплом!

Отлично знаю я, что должен был несметно
Скорбеть и пот свой лить в полях в несносный зной,
Чтоб жизнь мне даровать и душу, но ответно
Неблагодарною не буду я и злой!

Я радость чувствую, когда вливаюсь с силой
Я в глотку тех людей, кто сторблен от трудов.
Так пусть же будет грудь их сладкою могилой,
Где мне отрадней быть, чем в стуже погребов.

Внемли: в моей груди дрожащая Надежда
Щебечет и поет песнь праздничного дня,
И, опершись на стол и расстегнув одежды,
Доволен будешь ты, восславивши меня!

В глазах твоей жены зажгу я восхищенье
И сыну твоему я мощь и краски дам,
И стану для него я в жизненном бореньи
Как масло, что бодрит все мускулы борцам.

Амброзией хочу я внутрь тебя пролиться,
Как семя, что взрастит Садовник вечный мог,
И пусть от той любви Поэзия родится
И к Богу тянется, как редкостный цветок!»

129.

ВИНО ТРЯПИЧНИКОВ
<LE VIN DES CHIFFONNIERS>

При свете фонаря краснеющем, чье пламя
За стеклами дрожит, качаясь под ветрами,
В предместьи, где кишит, как в лабиринте, люд,
Где только повода для буйных вспышек ждут,

Тряпичник шествует и головой качает,
Наткнувшись, как поэт, на стену, презирает
Он сыщиков, и, всей душою погружен
В расчеты славные, порой споткнется он.

Дает присягу он, диктует он законы,
Низвергнут им злодей, возвышен побежденный;
Под сводами небес он, словно под шатром,
Чист добродетелью в величии своем.

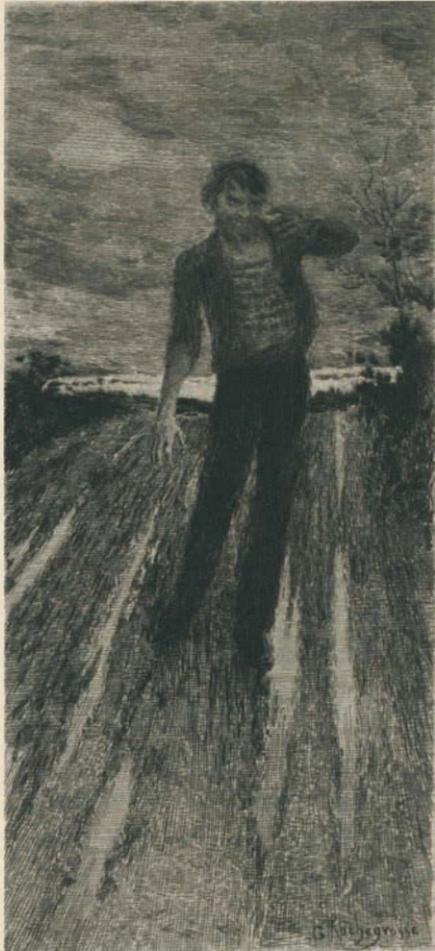
Да, вы, тряпичники, утомлены скорбями,
Разбитые трудом, сокрушены годами;
Они – надорваны под кучею тряпья!
Они – блевотина, большой Париж, твоя!

Пропахши бочками, они идут обратно,
С толпой товарищей, седых от жизни ратной;
Как знамя старое, их белый ус висит.
– И Флаги и цветы, победных арок вид

Пред ними высятся в чудесном размышленьи
И в светлом пиршестве, под клики изумленья,
При солнце, славою, под гул и барабан,
Венчают свой народ, что от любви к ним пьян.

Так золото вина сверкающим Пактолом
Пред Человечеством прокатится веселым
И глоткою людей о подвигах кричит,
Как подлинный король, в своих дарах царит.

Чтоб убаюкать грусть и утопить страданья
Людей отверженных и гибнущих в молчаньи, –
Сон создан совестью Творца, а ум людской
Добавил к сну – вино, кто солнца сын святой!

130.

ВИНО УБИЙЦЫ
<LE VIN DE L'ASSASSIN>

Свободен я, жена скончалась.
Могу я вволю пить; коль су,
Бывало, в дом не принесу,
От крика сердце раздиралось.

Теперь мне царское житье!
Прозрачен воздух! Небо ясно!
Так было лето то прекрасно,
Когда я был влюблен в нее.

Чтоб мог я мучащую силу
Ужасной жажды утолить, –
Жены могилу утопить
Вина, пожалуй, бы хватило!

Ах, труп в колодец, что глубок,
Своими сбросил я руками
И сверху забросал камнями.
Когда б ее забыть я мог!

Во имя нежных клятв влеченья,
Что невозможно разорвать,
Чтоб нас соединить опять,
Как в дни бывшего опьянения,

На тропке, вечером, среди тьмы
Просил я у нее свиданья.
Пришла, безумное созданье!
По-своему все глупы мы!

Она была мила; проклятый
Труд изнурял ее сильней.
Я так любил ее, и ей
Сказал я: умереть должна ты!

О, кто поймет меня сполна?
О, кто среди пьяниц глупых света
Болезненной ночью лета
Свивал ли саван из вина?

Да, как машина из металла,
Обжора с пьяною душой,
Она ни летом, ни зимой
Страсть настоящую не знала,

С тьмой очарованной, со всей
Тревожною толпою ада,
С рыданьями, со склянкой яда,
Со стуком цепи и костей!

И вот я одинок, свободный!
Напьюсь мертвецки вечером!
Мне страх и совесть – нипочем,
И лечь мне на землю угодно,

Чтобы заснуть, как будто пес!
Вагон своими тормозами
Иль воз, груженный кирпичами, –
Все могут тяжестью колес

Меня разрезать, разминая,
Иль раздробить башку мою!
На Дьявола теперь плюю,
И на Алтарь, и на Творца я!

131.

ВИНО ОТШЕЛЬНИКА**<LE VIN DU SOLITAIRE>**

Тот взгляд особенный, что женщина кидает
И что по нас, как луч белеющий, скользнет,
Как луч, что озеру дрожащему пошлет
Луна, когда красу небрежно омывает;

Последнее эю меж пальцев игрока,
Распутный поцелуй девицы некрасивой
И звуки музыки расслабленно-ленивой,
Что схожи с криками тоски издалека, –

Ничто пронзающий бальзам не заменяет,
Что набожным сердцам поэтов сохраняет
Бутыль глубокая обширным животом;

Струишь надежду ты, жизнь, молодость и твердость,
Богатство, нищете оставленное – Гордость,
Что нам дает восторг и сходство с Божеством.

132.

ВИНО ЛЮБОВНИКОВ

<LE VIN AMANTS>

Сейчас блистательны просторы!
Забыв мундштук, узду и шпоры,
Верхом помчимся на вине
С тобой к волшебной вышине.

Мы в сини утра и кристалла,
Как ангелы, кого трепала
Горячка властной рукой,
Помчим за призраком с тобой!

Пусть мудрый, нежный ветер чудным
Крылом качает нас своим!
Мы в сумасбродстве обоюдном,

Дитя, бок о бок полетим
Без отдыха и промедлений
В мой рай прекрасных сновидений!

~ ЦВЕТЫ ЗЛА ~

< FLEURS DU MAL >

133.

ЭПИГРАФ К ОСУЖДЕННОЙ КНИГЕ
<ÉPIGRAPHE POUR UN LIVRE CONDAMNÉ>

Вы, кто буколику лишь знали,
Кто трезв и тих простой душой,
Отбросьте том тоскливый мой,
Том оргии и сатурналий!

О, коль у Сатаны не взяли
Слог риторический вы свой,
Отбросьте! – Я для вас – больной,
Поймете вы меня едва ли!

Но, если любит взор скользить
В пучине без очарований,
Читай меня, чтоб полюбить

Дух любознаний и страданий!
Коль хочешь рая достигнуть,
Жалей меня!.. Иль – проклят будь!

134.

РАЗРУШЕНИЕ
<LA DESTRUCTION>

Неосязаемый, как воздух, льня, снует
Злой Демон вокруг меня, без отдыха витает;
Его вдыхаю я, он легкие мне жжет,
Меня желанием греховным наполняет.

Познав мою любовь к Искусству, предо мной
Принявши иногда вид женщины прелестной
И выбравши предлог правдиво-ханжеской,
В уста мои вольет напиток он бесчестный.

И водит он меня, когда не видит Бог,
Когда разбитый я в уныньи изнемог,
По пустырям Тоски глубокой, отдаленной,

И, показав глазам моим смятенным гной
Открытых ран и вид одежды оскверненной,
Он Разрушенья план рисует предо мной.

135.

МУЧЕНИЦА**<UNE MARTYRE>****К КАРТИНЕ НЕИЗВЕСТНОГО МАСТЕРА**

Там, где расшита ткань, где мрамор и флаконы,
Где кресла чувственно стоят,
Где складки пышные одежды благовонной
Влачатся, где портретов ряд,

В той теплой комнате, где душно, как в теплице,
Где грозен воздух роковой,
Где вянувший букет в стекле своей гробницы
Испустит вздох последний свой, –

Лежит безглавый труп. Подушки омывает
Кровь красная живой струей,
Как бы ручей; ее материя впивает,
Как почва, с жадностью большой.

Как страшным сумраком рожденные виденья,
К чьей бледности наш взор влеком,
С косою черною и с ношей украшений
Лежит на столике ночном,

Как лютик, голова. Бессмысленный и белый,
Как сумеречный свет, глядит
Взгляд коченеющий, пустой, оцепенелый
Из мертвенных ее орбит.

На ложе голый труп, забыв закон приличья,
В распутстве полном, обнажил
Красу жестокою и тайное величье,
Что в дар от рока получил.

Как память, на ноге – чулок. Он розовеет,
По краю золотом обшит;
Подвязка, как зрачок, который пламенеет
И взор алмазный свой стремится.

Весь этот странный вид: предательское око
Портрета томного, и кровь,
И тишина, и труп, лежащий одиноко, –
Вновь будят мрачную любовь,

И радость грешную, и празднества, в которых
Лобзанья адские царят,

И падших ангелов, запрятавшихся в шторах,
Те поцелуи веселят.

Но если посмотреть, то красота худая
Отмеченных рубцом плечей,
И острота бедра, и талия такая
Проворная, как гневных змей, –

Твердят: она была юна! – Душою, в горе
Гонимая тоской своей,
Не вздумала ли ты предаться алчной своре
Своих погибельных страстей?

Сумел ли мститель твой, неутолен живою
Тобой, кого он так любил,
Над неподвижною, податливой такою
Утешить свой огромный пыл?

Ответь, нечистый труп! – За косы поднимая
И голову держа в руках,
Запечатлел ли он свой поцелуй, прощая,
На холодеющих зубах?

– Вдали от грязных толп, с насмешкою и бранью,
И любознательных властей
Спи с миром, с миром спи, о странное создание,
В могиле замкнутой своей!

Пусть от людей уйдет твой муж! Твой образ милый
К нему и в снах его слетит;
К тебе свою любовь и верность до могилы,
Как ты, супруг твой сохранит.

136.

ОСУЖДЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ

<FEMMES DAMNÉES>

Они стремят свой взор туда, в морские дали,
Как скот задумчивый, лежащий на песках,
И дрожь есть горькая и сладкие печали
В их скрещенных руках и ищущих ногах.

Одни – влюбленные уж издавна в секреты,
Читая по складам любовь годов молодых
В журчании ручьев иль в глубине боскета,
Срывают листики побегов молодых.

Те – как монахини, проходят величаво
И медленно меж скал, где привидений рой,
Где пред Антонием Святым явился лавой
Сон искушения и груди вид нагой.

Те – в немоте пещер языческих рыдают
При слабом отблеске вниз падающих смол
И лихорадочно, больные, призывают,
Чтоб усыпляющий укоры Вахк пришел.

Те – прикрывая бич одеждою широкой
И ладонки нося вблизи груди своей,
Мешают в тьме лесов и в ночи одинокой
С восторженной слюной рыдания скорбей.

О девы, чудища, презревшие душою
Своей великою действительность, – увы!
Вы, бесконечности искавшие, – слезою
И криками полны попеременно вы.

О сестры бедные! Душою низойду я
В ваш ад, жалея вас и вас любя сильней
За скорбь угрюмую, за жажду вековую,
За душу полную, как урна для страстей.

137.

ДВЕ ДОБРЫЕ СЕСТРЫ
<LES DEUX BONNES SŒURS>

Смерть с Похотью, – вы две любезные сестрицы,
На ласки щедры; их девственный живот
Вовеки не рожал, всегда укрыт в тряпицы
И вечно занятый трудом среди забот.

Поэту бедному, кто в ад душой стремится,
Распутнику без средств, кто очага не чтет,
Покажут лупанар и темная гробница
Кровать, где совести укор не угнетет.

Могила и постель – восторг ужасный, темный
И сладость мрачную, как добрых две сестры,
Предъявят в свой черед, так на хулу щедры.

О Похоть, ты меня хватай рукой огромной!
Соперничая с ней достойно, Смерть, явись
Врастить меж мирт гнилых свой черный кипарис!

138.

ФОНТАН КРОВИ
<LA FONTAINE DE SANG>

Порой мне кажется, что кровь моя течет
Ручьем ритмическим, как плач фонтанных вод.
И тщетно, слушая, как кровь течет, болтая,
Чтоб рану отыскать, себя я осязаю.

Сквозь город, как сквозь луг, кровь, бормоча, пройдет,
И остров из камней она воссоздает,
Желанье общее напиться утоляя
И в красный цвет кругом природу обагрят.

Просил я много раз у лживого вина,
Чтоб усыпило страх, меня давящий глухо,
Но стал острее взор и тоньше стало ухо!

Я стал искать в любви забывчивого сна:
Матрац колючих игл любовь напоминает,
Там жажду грозные девчонки утоляют.

139.

АЛЛЕГОРИЯ
<ALLÉGORIE>

Прекрасной женщины дородная фигура,
Та женщина в вино роняет шевелюру.
Когтистая любовь и злой кабацкий яд
По коже каменной ее едва скользят.
Над Смертью хохоча, разврат она поносит,
Чья страшная рука своей игрой всё косит,
И всё ж не тронуты губящею рукой
Величье женщины и облик плоти той;
Шаг у нее – богинь, а отдых – как султанский;
Дарит восторги ей закон магометанский;
И, руки приоткрыв, в них помещая грудь,
Всё человечество зовет она взглянуть.
Известно девушке, бесплодной неизменно,
Что в ней нуждается движение вселенной,
Что самый высший дар ей дан в ее красе
И что простятся ей ее бесчестья все.
И нету дела ей до ада и до рая,
И в нужный час она, в Ночь черную вступая,
Забыв про ненависть с раскаяньем, – в упор,
Как новорожденный, на Смерть направит взор.

140.

БЕАТРИЧЕ
<LA VÉATRICE>

Однажды жалобы я возносил природе
В пустыне выжженной, в краю золы, бесплодий;
В тот час, когда точил, блуждая, острие
Кинжала медленно о сердце я свое,
Вдруг в свете полдня я над самой головою
Увидел: облако несется грозное
С толпою Демонов распутных. Облик их
Напомнил карликов мне любопытно злых.
Глядели на меня холодными глазами
Так, как прохожие следят за дураками,
И слышал я их смех, шушукание фраз
И видел, как, язвя, подмигивал их глаз.

«Как наблюдать смешно карикатуру эту,
Напомнившую нам тень бедного Гамлета!
Прическа встрепана, в очках – переполох;
И право, жаль смотреть, как этот скоморох,
Забавник, и бедняк, и жалкий шут без дела,
Сумевший роль сыграть искусно и умело,

Заинтересовать, воспев печали, мог
Кузнечиков, орлов, цветы и ручеек,
И даже нам, творцам уловов самых старых,
Прочтет он несколько тирад довольно ярых!»

О я, чья спесь была туч выше, и хребтов,
И криков демонов, – был отвести готов
От карликов свой взор надменный и спокойный,
Когда б не увидел среди шайки непристойной
(Как не качнулся тут блиставший солнца свет?!)
Владычицу души, которой равных нет.
Над мукою моей она, как все, смеялась
И ласкам демонов распутно предавалась.

141.

ПОЕЗДКА НА КИФЕРУ**<UN VOYGE A CYNÈRE>**

Как птица, возле мачт мой дух стремил полет
И в радости парил совсем непринужденно.
Корабль стремился в даль, как ангел, опьяненный
Сияньем солнечным; без туч был небосвод.

Что это за земля, чей черен вид и мрачен?
В ответ: – Кифера! Край, прославленный в стихах!
То – Эльдorado всех холостяков, но ах!
Смотрите, между тем, как этот край невзрачен.

– Ах, остров сладких тайн и празднества любви!
Здесь над морской волной, в благоуханьи сферы,
Парит тень гордая классической Венеры
И пробуждает вновь любовь и грусть в крови.

О край зеленых мирт и пышного цветенья!
Край, чтимый навсегда народом всех эпох!
Ах, остров, где сердец влюбленной пары вздох,
Как ладан, в розовом саду струит куренье,

Как будто голубок извечно ворковал!
– Кифера – только край, где бедно всё и дико,
Пустынная скала пронзительного крика...
И всё же странное я нечто увидал.

О, нет! То был не храм, в лесной стоящий сени,
Где жрица юная, влюбленная в цветы,
Со станом, что сожжен от тайной теплоты,
Шла, приоткрыв наряд для легких дуновений.

Когда мы к берегам совсем подобрались,
Спугнувши стаю птиц своими парусами,
То виселица там была с тремя столбами
И в небо высилась, как черный кипарис.

Птиц стаи страшные, остервенясь, крошили
Уже гниющий труп, на пиршество напав,
Вонзая грязный клюв, как будто бы бурав,
Кровавили везде остатки этой гнили.

Глаза, как две дыры. Разодранный живот
Показывал кишки; на бок одна свисала;
И пищей палачи нажравшись до отвала,
Всё меньше делали гниющий остов тот.

Средь стада хищников, завистливо задравших
Вверх морды и киша под остовом гуртом,
Был самый крупный зверь их главным палачом
Среди помощников, вокруг него стоявших.

Киферы житель, сын восславленных краев,
Ты выносил без слов обиду оскорблений,
Как искупление всех мерзостных служений
И недозволенных могилою грехов.

О висельник смешной! Твои мученья стали
Моими, и, глядя на труп висевший там,
Я рвоту чувствовал, ползущую к губам
Струею желчною моей былой печали.

Бедняга мой! Тебя мне позабыть невмочь!
Перед тобою я почувствовал повторно
Клюв острый воронов и пасть пантеры черной,
Что тело некогда любили мне толочь.

– Был ясен свод небес и гладко было море,
Но черным и в крови вокруг всё видел я.
Увы! Как саваном густым, душа моя
Была окутана виденьем аллегорий.

Венера! Остров твой сумел мне показать
Знак виселиц; на них – мое изображенье.
Господь! Дай силу мне, чтоб я без отвращенья
Мог ныне плоть мою и душу созерцать!

142.

АМУР И ЧЕРЕП
<L'AMOUR ET LE CRANE>
Старинная виньетка

Амуру удалось взобраться,
На череп сев людской.
На троне с видом святотатца,
Под наглый хохот свой,

Взлетающие выдувает
Он круглые шары,
И как бы тем соединяет
Он в воздухе миры.

Шар светло-хрупкий! Устремляет
Полет высоко он
И, лопнув, душу испускает,
Как золотистый сон.

И череп молится, стеная
При выдуве шара:
«Когда же кончится смешная
И дикая игра?»

Ведь всё, что в воздухе струится
Из губ жестоких вновь,
Всё то, чудовищный убийца, –
Мой мозг, и плоть, и кровь!»

~ ВОЗМУЩЕНИЕ ~

< RÈVOLTE >

143.

ОТРЕЧЕНИЕ СВЯТОГО ПЕТРА
<LE RENIEMENT DE SAINT PIERRE>

Что ж делает Господь с волной богохулений,
Что к добрым ангелам взлетает день за днем?
Тиран, пресыщенный жратвою и вином,
Спит в сладком грохоте ужасных возмущений.

И мучеников плач, и жертв казенных стон
Звучат симфонией пьянящею, конечно;
Иль кровью, равною их страсти бесконечной,
Еще не до краев наполнен небосклон?

– Ты помнишь, Иисус, когда в Саду несмело
Молился ты тому, в наивности своей,
Кто хохотал вверху, услышав стук гвоздей,
Что забивал палач в твое живое тело?

Когда в божественность плевков швыряли свой
Обжорство кухни и обжорство гауптвахты,
Когда почувствовал в вонзившихся шипах ты
Свое чело, где жил огромный род Людской, –

Когда под тяжестью измученного тела
Ты руки растянул, когда мишенью стал
Для сборища толпы, в тот час, когда стекал,
Струясь, кровавый пот на лоб твой онемелый, –

О, вспоминал ли ты о тех прекрасных днях,
Когда, чтоб выполнить пророчество, явился,
Когда на ласковой ослице ты стремился
Дорогой, что была и в вербе, и в цветах?

Когда, исполненный надеждою великой
И мужеством, ты гнал, как властелин, купцов
Ударом кулака? Вонзилось в плоть боков
Твоих Раскаянье не раньше ли, чем плака?

Мир, где не родственны поступок и мечта,
Вполне довольный я охотно покидаю.
Пускай, подняв свой меч, погибну от меча я!
Петр сделал правильно, отрекшись от Христа!

144.

АВЕЛЬ И КАИН

<ABEL ET CAIN>

I

Род Авеля, – спи, пей, питайся!
К тебе Бог в смехе милосерд!

Род Каина, – ты пресмыкайся
В грязи и гибни, словно смерд!

Род Авеля, – Лесть воздаянья
Носам Архангелов несут.

Род Каина, – твои страданья
Когда-нибудь к концу придут?

Род Авеля, – сев землероба
И скот твой пышно произрос.

Род Каина, – твоя утроба
Ворчит от голода, как пес.

Род Авеля, – ты плоть согреешь
У очага отцовских зал.

Род Каина, – ты коченеешь
В своей пещере, как шакал.

Род Авеля, – рожай, влюбленный!
И золото детей родит!

Род Каина, – душой спаленной
Умерь огромный аппетит!

Род Авеля, – ты в пожираньи
И в росте, как древесный клоп!

Род Каина, – до издыханья
Броди с семьею между троп!

II

Род Авеля, – собой поля ты,
Как падаль, должен утучнить!

Род Каина, – твой труд проклятый
Еще не время прекратить!

Род Авеля, – твой жалок жребий!
Дубиной побежден был меч!

Род Каина, – лезь, будь на небе,
Чтоб Бога на землю низвлечь!

145.

ЛИТАНИЯ САТАНЕ
<LES LITANIES DE SATAN>

О ты, кто Ангелов умнее всех и краше,
Бог, роком преданный, хвалы лишенный нашей, –

Скорбь долгую мою, о Сатана, помилуй!

Мы, Князь Изгнания, виновны пред тобой,
Но побежденный дух сильней гордится твой, –

Скорбь долгую мою, о Сатана, помилуй!

О ты, всезнающий и под землей царящий
И, как хранитель, грусть больных людей целящий, –

Скорбь долгую мою, о Сатана, помилуй!

Кто даже париям и прокаженным всем
Любовно показал: сколь сладостен Эдем, –

Скорбь долгую мою, о Сатана, помилуй!

О ты, от Смерти нам, давно тебя любившей,
Надежду, сладкую Безумицу, родивший, –

Скорбь долгую мою, о Сатана, помилуй!

Ты, кто виновному величье взоров дал,
Чтоб осудить народ, что эшафот обстал, –

Скорбь долгую мою, о Сатана, помилуй!

Ты, знающий, в каких краях земли громадной
Все драгоценности Господь припрятал жадный, –

Скорбь долгую мою, о Сатана помилуй!

О ты, чей светлый взор вникает в арсенал,
Где погребенный спит, как бы народ, металл, –

Скорбь долгую мою, о Сатана помилуй!

О ты, чья щедрая рука от бездн отводит
Лунатика, что в ночь на край карниза всходит, –

Скорбь долгую мою, о Сатана, помилуй!

Ты, вновь смягчающий у пьяниц прах костей,
Что не успели смять копыта лошадей, –

Скорбь долгую мою, о Сатана, помилуй!

Ты, утешающий людей в тоске без меры
И научивший их мешать с селитрой серу, –

Скорбь долгую мою, о Сатана, помилуй!

Ты, ум участливый, безжалостно и зло
Умеющий клеймить и Крезово чело, –

Скорбь долгую мою, о Сатана, помилуй!

О ты, кто девушкам вложил в сердца и взгляды
Навек любовь к тряпью и почитанье яда, –

Скорбь долгую мою, о Сатана, помилуй!

О посох изгнанных! Искателей ночник!
Ты – заговорщиков казнимых духовник, –

Скорбь долгую мою, о Сатана, помилуй!

Усыновитель тех, кто в гневе и печали
Из рая на земле Богоотца изгнали, –

Скорбь долгую мою, о Сатана, помилуй!

МОЛИТВА

Честь и хвала тебе, в небесной вышине
Царивший некогда, кто в адской глубине,
Хоть и низвергнутый, мечтающий в молчаньи!
О, помести мой дух под Деревом Познания,
Вблизи себя, чтоб он побеги дал ветвям
Распространить на лоб твой, словно Новый Храм!

~ СМЕРТЬ ~

< LA MORT >

146.

СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ

<LA MORT DES AMANTS>

Постели, полные легчайшими духами,
Для нас становятся подобием могил
И этажерок ряд со странными цветами,
Что небосвод иной и лучший возрастил.

Наш дух, используя последнее в нас пламя,
В два факела больших два сердца превратил,
Чтобы они зажгли ответными огнями,
Как в зеркалах двойных, в умах у нас свой пыл.

Вечерне-розовой, таинственной порою
Мы обменяемся одним лучом с тобою,
Как плачем длительным пред тяжестью разлук.

И Ангел преданный и полный ликованья,
Дверь приоткрыв, войдет, чтобы зажечь вокруг
Два тусклых зеркала, два мертвые сиянья.

147.

СМЕРТЬ БЕДНЯКОВ
<LA MORT DES PAUVRES>

Смерть утешает нас, увы! и оживляет;
Смерть – нашей жизни цель, Надежда Нищеты;
Ты – эликсир, что нас пьянит и возвышает
И силу нам дает брести до темноты.

На черный горизонт Смерть отблеск свой кидает
Сквозь бурю и сквозь снег, сквозь иней мокроты.
Смерть, – как гостиница (так книги прорицают),
Где можешь ночевать и кушать, бедный, ты!

Смерть – Ангел, спрятавший в своей магнитной длани
Восторженные сны и сладкий дар мечтаний
И ложе стелящий раздетым беднякам!

Смерть – таинств житница, божественная тризна!
Смерть – бедняков кошель и древняя отчизна,
Врата, ведущие к безвестным небесам!

148.

СМЕРТЬ ХУДОЖНИКОВ

<LA MORT DES ARTISTES>

О, сколько надо раз мне бубенцы трясти
И лбу карикатур дарить свои лобзанья?
Чтоб цели нам достичь и таинств мироздания, –
О, сколько надо стрел колчану извести?

Мы тонкий заговор должны в душе плести;
Пока предстанешь ты, великое Созданье,
Чья воля адская рождает в нас рыданье, –
Пробьем мы много лат тяжелых по пути.

Есть много скульпторов, не видевших дотоле
Лик Идола; со лбом, отмеченным стыдом,
Они идут, стуча себе в грудь молотком,

Живя надеждою, – о странный Капитолий! –
Что Смерть, как солнечный луч новый с высоты,
Сумеет вырастить в мозгах у них цветы!

149.

КОНЕЦ ДНЯ
<LA FIN DE LA JOURNEE>

При бледном свете Жизнь так шумно,
Бесстыдно пляшет, и снует,
И корчится, крича безумно.
– Когда ж на горизонт взойдет

Ночь сладострастная, густая,
Всё сглаживая, даже стыд,
И даже голод укрощая, –
Тогда поэт проговорит:

«Конец! Мой дух и плоть желают
Мучительно тебя, Покой!
Сон погребальный наполняет

Мне сердце! Лягу вниз спиной
И завернусь я в полог твой,
О Тьма, что сладко освежает!»

150.

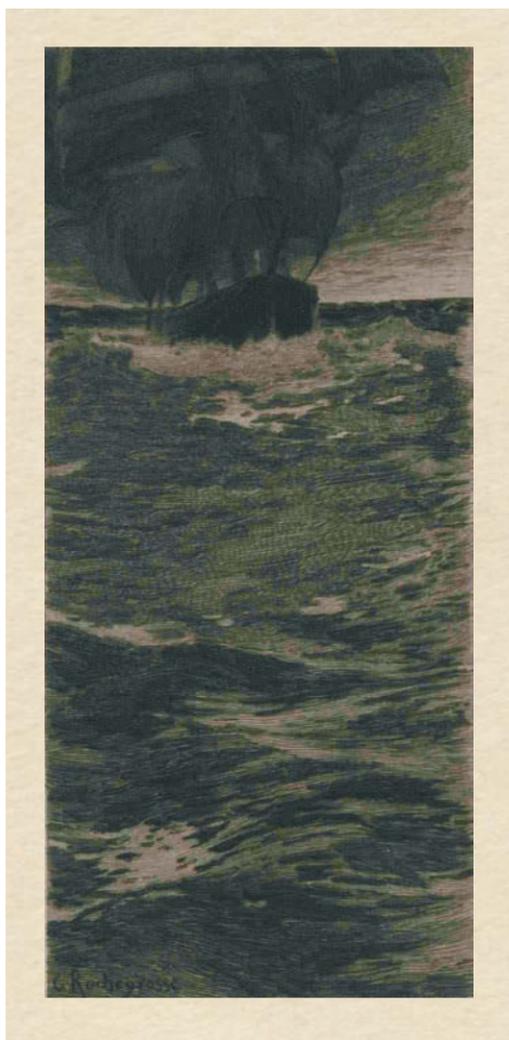
МЕЧТА ЛЮБОПЫТНОГО**<LE RÊVE D'UN CURIEUX>**

Ты знала ли, как я, сладчайшее томленье?
Твердила ль про себя: «О редкий из людей!»?
Ах, умираю я! И страх, и наслажденье
От этого в душе мешаются моей;

Надежда быстрая, тоска без возмущенья;
И чем песочные мои часы пустей,
Тем радостней, жадней становятся мученья;
Стремится сердце прочь от всех простых вещей.

Ах, жил я, как дитя, в ход зрелищ погруженный,
Что зол на занавес, как злятся на препоны.
И вот холодная предстала Правда мне:

Я не неожиданно мертв. Жестокою зарею
Окутан я. Итак, – всё кончено вполне!
Ведь поднят занавес, – чего же жду еще я?!

151.

ПУТЕШЕСТВИЕ

<LE VOYAGE>

Максиму Кампу

I

Ребенок, что влюблен и в карты, и в эстампы,
Большим, как аппетит его, мир представлял!
Ах, кажется нам мир большим при свете лампы,
Пред взором памяти – как мир ужасно мал!

Мы утром тронулись; мозг наполняло пламя,
И сердце, злобствуя в желаниях, растет;
Мы едем, следуем мы в ритме за волнами,
Дух безграничный свой вручив границам вод.

Тот рад был убежать от родины в позоре,
Тот, сам для люльки став угрозой, бегству рад;
Тот – утопающий, как астролог, во взоре
Цирцеи, женщины, чей страшен аромат.

Чтобы не стать скотом, они в себя впивают
Горящий небосклон, пространства, яркий свет;
И лед, что их мертвит, и солнце, что сжигает,
Стирают медленно былых лобзаний след.

Но путник истинный лишь тот, кто в путь далекий
Лишь странствовать, с душой, как легкий мяч, идет,
Тот, кто, неразлучим с превратностями рока,
Не зная сам зачем, всегда твердит: «Вперед!»

У этих – с облаком их схожи вождельня!
И ждут они мечтой, как пушку – новичок,
Изменчивых и им безвестных наслаждений.
Им никогда имен дать ум людской не мог!

II

Увы! Как схожи мы с волчками и шарами
В их вальсе и прыжках! И даже в наших снах
Бьет Любопытство нас, с издевкою над нами,
Как злобный Ангел бьет диск солнца в небесах.

Меняет место цель! Она, о жребий странный! –
Нигде, ни здесь, ни там, но всюду может стать!
И должен человек, в надежде беспрестанной,
Чтоб отыскать покой, век, как глупец, бежать!

К своей Икарии дух, как корабль, несется.
«Вниманье», – с мостика доносится призыв.
Безумно ярый крик с марсели донесется:
«Страсть! Слава! Счастье!» – Черт! Попали мы на риф!

Ах, в каждом островке мы видим Эльдorado,
Обещанное нам, лишь вахта даст сигнал, –
Но там, где править пир Воображенье радо,
Наутро предстают одни граниты скал.

О ты, страны химер несчастный обожатель!
Под стражу взять тебя иль бросить в глубь морей?
О пьяница матрос, Америк открыватель,
Чьи грезы от пучин становятся горчей!

Бродяги старые, носы задравши, бродят
Тропинкой, видя рай сияющий в душе.
Обвороженный взор там Капую находит,
Где лишь свеча горит в убогом шалаше.

III

О путешественник! Как много описаний
Глаза глубокие, как океан, таят!
Открой же нам ларцы богатых воспоминаний,
Из воздуха и звезд игрушек чудных ряд!

Мы странствовать хотим без парусов и пара!
Пускай, чтоб разогнать тоску темниц сырых,
Пред полотном мозгов воспоминаний чары
Пройдут, и горизонт пускай обрамит их!

Итак, что видели?

IV

«О, мы видали воды,
Мы звезды видели, мы видели пески,
И несмотря на все несчастья и невзгоды,
Томились так же там, как здесь, мы от тоски!

И море синее при солнечном сиянии,
И солнечный закат в огромных городах
Зажгли у нас в сердцах тоскливое желанье
Исчезнуть на небе в приманчивых лучах.

Нет, никогда такой чарующей нас тайны
Ни город, ни ландшафт земли не создает,
В какую облака слагаются случайно!
Желанье было в нас всегда полно забот.

– Желанью придают немало сил утечи!
Со старым деревом его должны сравнить:
Пусть ствол толстеющий крепчает без помехи,
Но веткам хочется поближе к солнцу быть!

Ужель еще взрастешь, о ствол? И кипарисы
Переживешь? – И всё ж с охотою рука
Поместит в ваш альбом прозорливый эскизы:
Вам мило всё, что к вам придет издалека!

О! С хоботом божков почтили мы и троны,
Чьи украшения блистательны в лучах,
Дворцы, со сказочной отделкой золоченой,
Что разорила бы банкиров и в мечтах;

Мы видели наряд, что опьяняет взоры,
Окраску женщиной своих зубов, ногтей,
И как ласкают змей искусные жонглеры»...

V

– А что еще? Ну, что?

VI

«Пытливый ум детей!

Чтоб не забыть, должны сказать о главной вещи:
Хоть не искали мы, но всюду был открыт
Нам сверху донизу на лестнице зловещей
Неумирающих грехов тоскливый вид!

Там женщина – раба; глупа и, не краснея,
Собой любитесь, и подла, и горда.
Там жаден муж – тиран; в нем – зло прелюбодея,
Он – сток всех нечистот и раб рабынь всегда.

Там – радость палачей и мучеников раны,
Пир, кровью пахнувший, и с кровью много блюд,
И яд могущества, пьянящего тирана;
Мы видели народ, влюбленный в скотский кнут.

Религий – множество; и все напоминают
Стремленьем к небесам закон у нас. Святой
В веригах, на гвоздях восторг свой обретает,
Как будто сибарит – в перине пуховой.

Там человечество свой гений обожает,
И ныне, как и встарь, безумный род людской
Пред смертью яростный крик Богу посылает:
– Учитель! Мой двойник! О, будь ты проклят мной!

А тот, кто поумней, в Безумие влюбленный,
Покинувши стада, которых пастырь – Рок,
Бегут под власть твою, мой опиум бездонный!
– Вот жизни на земле обычный каталог!»

VII

Мы знание горькое выносим из скитанья!
Мир монотонный мал; показывать готов
Оазис ужаса среди пустынь страданья
Он ныне, как вчера, и так во век веков.

Здесь быть иль ехать в путь? – Коль хочешь – в путь
бесцельный,
Коль хочешь – здесь пребудь! Тот прячется, глупец,
Чтоб Время, враг его неспящий и смертельный,
Обманут был. – Другой, без отдыха гонец,

Как вечный жид иль как апостолы святые,
На судне, в поезде пытается бежать
От ретиария бесчестного; иные –
Его в младенчестве умеют убивать!

Когда ж наступит он, хребет нам попирая,
Мы обнадежены, и мы кричим: «Вперед!»
И, словно вновь плывя к далекому Китаю,
Распустим волосы, вперивши взоры в свод.

Мы в море Сумрака внезапно попадаем,
Подобно радостным и молодым пловцам.
Напеву сладкому и мрачному внимаем,
Поющему: «Сюда!.. Вкусить хотелось вам

Здесь запах лотоса! Вам здесь насытить надо
Плодами редкими голодные сердца!
Идите же сюда! И странную отрадой
Пусть душу опьянит вам вечер без конца!»

Вот появляется нам близкое виденье;
Пилады руки нам протянут от любви,
И скажет та, кому лобзали встарь колени:
«Чтоб сердце освежить, к Электре подплыви!»

VIII

Смерть! Старый капитан! Нам срок поднять ветрила!
Наскучил этот край! О Смерть! Прочь якоря!
Пускай черны моря и небо, как чернила, –
Ты знаешь, что в сердцах у нас горит заря!

Струю бодрящего пролей нам в сердце яда!
Пока огонь жжет мозг, хотим мы в глубину
Нырнуть, – не всё ль равно: в глубь Неба или Ада, –
Чтоб в неизвестности найти нам *Новизну*.

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
ИЗ ЯТЫЕ ПО ПРИГОВОРУ СУДА
ИЗ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ**

152 (19A).

ИГРУШКИ
<LES VIJOUX>

Она, – раздетая, – вкус изучивши мой,
Игрушки звонкие оставила на теле,
И ряд богатых бус вид придал ей такой,
Как маврские рабы в дни славы их имели.

Во время пляск ее, – издевок быстрых звон
Швырял светящийся мир камня и металла;
И я в восторге был, неистово влюблен
Во всё, что звук и свет в себе самом смешало.

Она позволила, улегшись на диван,
Себя ласкать; с высот дивана хохотала
Над страстью нежною, большой, как океан,
Что поднималась к ней, как будто бы на скалы.

Как укрощенный тигр, глаза устремлены.
Мечтательно она меняла положенья;
Чистосердечием и похотью даны
Красоты новые причудам превращения.

И бедра, и спина, и ног, и рук излом,
Блестя, как бы от масл, и лебеда волнистей
Скользят перед моим всевидящим зрачком;
И приближаются, как винограда кисти,

И груди, и живот, что чист, как Ангел зла,
Чтоб тишина души моей не уцелела,
Чтобы рассыпалась хрустальная скала,
Где в одиночестве душа моя сидела.

Казалось, в новом я рисунке увидал
Бюст безбородого и Антиопы бедра:
Так тонкий стан ее из таза выступал,
Так цвет румян краснел на рыжей краске бодро!

Да! Лампе нужно свет покорно потушить!
Пусть комнату лишь блеск камина озаряет:
Любимой стоит вздох горячий испустить, –
Он кровью кожи цвет янтарной затопляет!

153 (32A).

ЛЕТА
<LE LÉTNE>

Приди на грудь ко мне, жестокая, глухая,
Тигр обожаемый, на вид ленивый зверь!
В густые волосы твои вонзить теперь
Персты дрожащие надолго я желаю!

Больную голову хочу я завернуть
В шелк юбок, пахнувших тобою сумасшедше,
И затхлый аромат моей любви ушедшей,
Как блеклые цветы, мне хочется вдохнуть!

Мне хочется уснуть! Ах, жизни сон дороже!
Без угрызения запечатлеть во сне
Чудесном, словно смерть, тогда удастся мне
Лобзанья на твоей, как медь, блестящей коже!

Пусть будет пропастью глухой постель твоя!
Не проглотить ей слез утихшего мученья!
Ах, на твоих устах – могущество забвенья,
В твоих лобзаниях – летеиских вод струя!

Я подчинюсь судьбе, как predetermined!
Рок! Наслаждением ты отныне будь моим!
Покорный мученик, я рвением своим
Удестеряю казнь, невинно осужденный.

Чтоб злобу утопить, хочу напиток твой
Я высосать до дна, о добрая цикута,
Близ дорогих сосков груди, до той минуты
Не бывших для сердец еще ничьих тюрьмой!

154 (43A).

СЛИШКОМ ВЕСЕЛОЙ
<A CELLE QUI EST TROP GAIE>

Повадка, голова, твой вид, –
Прекрасны, как пейзаж прекрасный;
Как в небе ветерок ненастный,
Улыбка на лице шалит.

Коль прикоснется грусть случайно,
Здоровье выжжет очи ей;
Оно струится от плечей
И рук, как свет необычайный.

Звучащие цвета внесет
Твой вкус в убранство туалета;
Они родят в душе поэта
Мысль про цветочный хоровод.

В безумии нарядов вижу
Эмблему пестрого ума.
Я от безумной без ума,
Я так люблю, как ненавижу.

Когда порой в саду стою,
Расслабленный, я вдруг почую,
Как будто бы в насмешку злую,
Терзает солнце грудь мою.

Весна и трав зеленых всходы
Так дух унизили в тоске,
Что вымещаю на цветке
Высокомерие природы.

Вот так же, ночью, словно трус,
В час, что звенит о сладострастьи,
К твоим сокровищам, о счастье,
И я, безумный, подкрадусь

И, грудь прощенную терзая,
Веселую карая плоть,
Большую рану проколоть
Я на твоём боку желаю

И, сумасбродство возлюбя,
Сквозь губы этой новой раны,
Великолепней прежних, – стану,
Сестра, вливать мой «яд» в тебя!

155 (135A).

ОСТРОВ ЛЕСБОС

<LESBOS>

О мать латинских игр, афинских наслаждений,
Лесбос, где поцелуй был солнца горячей,
Свежее, чем арбуз, и полон сладкой лени,
Он украшеньем был ночей и славных дней.
О мать латинских игр, афинских наслаждений,

Лесбос, где поцелуй, как водопад вспененный,
Рыдает и бурлит бесстрашно, и скачком
Кудахчет по скале, и к пропасти бездонной,
Глубокой, катится то буйно, то тайком;
Лесбос, где поцелуй, как водопад вспененный!

Ах, Фрина Фриною увлечена в Лесбосе!
Здесь вздоху каждому ответит эхом мгла,
Здесь восхищаются сияньем звезд Пафоса!
Завидовать Сафо, Венера, ты б могла!
Ах, Фрина Фриною увлечена в Лесбосе!

Лесбос, о край ночей, что нежны до истомы!
Здесь страсть бесплодная, и в зеркалах ночей
С глазами глупыми, влюбленностью влекомы,
Ласкают девушки плоды созревших дней!
Лесбос, о край ночей, что нежны до истомы!

Пускай старик Платон, сурово глядя, злится!
Прощенье получи у тысячи отрад,
Любимая страна и сладкая царица,
И у изысканной возможности услад,
И пусть старик Платон, сурово глядя, злится!

Прощенье получи у вечного мученья,
Что карою дано утонченным сердцам,
Кого лучистый смех мелькнувшего виденья
Манит напраслиной к нездешним небесам!
Прощенье получи у вечного мученья!

Кто смел бы из богов Лесбосу стать судьейо
И осудить трудом изнеможенный лоб,
Когда б весы не смыл, с их чашей золотою,
В моря стремившийся твоих ручьев потоп?
Кто смел бы из богов Лесбосу стать судьейо?

Неправый, правый суд, – чего от нас он хочет?
О девы высшие, Архипелага честь!
Над Адом, Раем ли любовь всегда хохочет,
И в вашем, как в ином, законе святость есть!
Неправый, правый суд, – чего от нас он хочет?

Лесбос меня избрал меж всех живущих света,
Чтоб тайну этих дев цветущих воспевать.
Я с детства восхищен был черной тайной этой,
Где слезы дикие смех мог с собой сплетать.
Лесбос меня избрал меж всех живущих света.

С тех пор я бодрствую в неспящем сне Левкаты,
Как часовой, чей взор и полночью и днем
Внимательно следит тартаны и фрегаты,
Чьи контуры дрожат в пространстве голубом;
С тех пор я бодрствую в неспящем сне Левкаты,

Чтоб знать: спокойно ли и милостиво ль море?
И меж рыданиями, что повторит уступ,
Я на Лесбос приду, и он прощает в горе
Любимый для Сафо, но прочь ушедший труп,
Чтоб знать: спокойно ли и милостиво ль море?

От женщины Сафо, любимой и поэта,
Что бледной красотой Венеру превзошла!
– Глаз черный победил лазури глаз и света,
И мрачный кругозор печаль пересекла,
Скорбь женщины Сафо, любимой и поэта!

– Венеру превзойдя, возвысь над землею,
Богатство тишины она несла для стран!
Сиянием залив и юной красою
Тебя, кто дочерью пленен был, – Океан,
Венеру превзошла, возвысь над землею!

– Сафо, ты умерла, когда хулу свершила,
Когда, обидевши религию свою,
Ты тело чудное в добычу превратила
Скота, кто покорил спесиво плоть твою!
Сафо, ты умерла, когда хулу свершила!

И с той поры Лесбос ночь каждую вздыхает
И, несмотря на честь, что миром воздана,
Пьянится криками волнения, что бросают
Пустые берега к тебе, о тишина!
С тех самых пор Лесбос ночь каждую вздыхает!

156 (135Б).

ОСУЖДЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ

<FEMMES DAMNÉES>

Дельфина и Ипполита

При бледном отсвете светильников неясных,
В подушках возлежа, где аромат сквозной,
О Ипполита, ты, в мечте о ласках властных,
Поднявших занавес над искренней душой,

Хотела бы зрачком, от бури потрясенным,
Найти наивности далекий небосклон.
Так смотрят путники в даль, оком обращенным
На синий горизонт, хоть утром пройден он!

Из тихих глаз слезы рассеянной скольжение
И, как ненужный меч, руки упавшей вид,
И пасмурная страсть, и это онеменье, –
О брэнной красоте как будто говорит.

Спокойно, радостно Дельфина обнимает
Ее колени, взор горящий свой вперив
В нее; так хищный зверь за жертвой наблюдает,
Зубами крепкими сперва ее схватив.

Краса могучая пред хилою склонилась.
И в гордости она, и в вожделеньи пьет
Вино своих побед, и к жертве обратилась,
Чтоб благодарности сорвать отраднй плод,

Чтоб отыскать в глазах своей добычи бледной
Немотствующий гимн, как Песней Песнь страстей,
След благодарности высокой и победной,
Что, словно долгий вздох, исходит из очей:

– «Моя любимая! Прерви свое молчанье!
Теперь ты поняла: не стоит приносить
Священные дары роз первых на закланье
Насильственным ветрам, что могут их сгубить?»

Мой легок поцелуй, как однодневки, в неге
Под вечер льнущие к прозрачности пруда.
Мужчины поцелуй – как колея телеги
Или прорытая сохою борозда.

И по тебе они проходят, как копыта
Запряжки лошадей иль как воловий цуг.
Ах, обрати ко мне свой лик, о Ипполита!
Ты целое мое и полменя, мой друг!

О, поверни глаза, где чистых звезд горенье!
За взгляд чарующий, божественный бальзам
Я парус подниму невнятных наслаждений
И бесконечным снам тебя, сестра, отдам!»

Но отвечала та, поднявши лик свой стройный:
«В неблагодарности не грешна пред тобой,
Моя Дельфина; я страдаю беспокойно,
Как после трапезы ужасной и ночной.

Да! Страхи тяжкие, что виснут надо мною,
И разных призраков жестокий легион
Меня хотят вести той зыбкою тропею,
Что кровью горизонт пресек со всех сторон!

Иль странное с тобой мы совершаем дело?
Коль можешь: объясни и страх мой, и вину!
Ты скажешь “ангел мой!”, и я дрожу несмело,
Но чую, как к тебе мои уста тяну!

О, не смотри ты так! Навек мои стремленья –
К тебе, избранница, сестра и разум мой!
Будь ты виновницей жестокого паденья
Иль мне расставленной коварной западней!»

Дельфина, гривою своей встряхнув трагичной
(О, так треножники железные стучат!),
Зловещий взор взметнув, сказала деспотично:
«Кто пред любовью здесь смел говорить про ад?»

Навеки проклят будь мечтатель тот негодный,
Кто первый захотел настолько глупым быть,
Что увлекаться стал задачей бесплодной:
Как целомудрие и страсть соединить?!

Чудесно слить в одно и ночь и полдень белый,
И жаркий зной и тень, и целое и часть!
Но не согреть ему расслабленное тело
Тем солнцем, для кого одно лишь имя “страсть”.

Коль хочешь, так ищи ты дурака-супруга,
В жестокой ласке дай к невинности прильнуть!
Ко мне, раскаявшись, синевя от испуга,
Ты снова принесешь истерзанную грудь!

Лишь одного смогла б насытить властелина!»
– Но вдруг дитя, излив печаль души своей,
Кричит: «Я чувствую, как ширится пучина,
Во мне разверстая, – и “сердце” имя ей!

Вот стон чудовища, ничем не утолимый,
Что пышет, как вулкан, что глубже всех пустот!
Нет! Жажду Фурии ничем не укротим мы,
И с факелом в руках она до крови жжет!

Хочу, чтоб занавес над миром мы простерли,
Чтоб скрыться, чтоб покой усталость заменил,
Чтоб растворилась я в твоём широком горле
И на груди твоей нашла бы мрак могил!»

– О жертвы жалкие! Сойдите вы, сойдите
С пути того, что вас в извечный ад ведет,
И в пропасти себя глубокой утопите,
Где не небесный ветер преступников сечет!

Да! Вам, смешавшимся от грозового крика,
Вам, тени сумасбродств, к желаниям спешить,
Но вам не утолить вовеки страсти дикой
И в наслаждении – вам кару находить!

Вовек в пещеру к вам луч не проникнет сладкий!
Войдет, воспламенясь, как отблеск фонаря,
Сквозь поры стен миазм жестокой лихорадки,
Свой страшный аромат вам в вашу плоть внедря.

Бесплодье строгое дней юности умело,
Вам кожу укрепив, зной жажды обострять;
Вихрь яростных страстей заставил ваше тело,
Как знамя ветхое, в желаньи трепетать!

Ну, что ж! Распутницы! Как волки, укрывайтесь
В пустынной местности, покорствуя судьбе,
Вдали от толп людей, и убежать старайтесь
От бесконечности, что носите в себе!

157 (140A).

ПРЕВРАЩЕНИЯ ВАМПИРА
<LES MÉTAMORPHOSES DU VAMPIRE>

А женщина лила губами земляники
Слова, что мускусом насквозь пропахли, дико,
Как на углях змея, вся корчилась и грудь
В корсет железный свой старалась запихнуть:

«С устами влажными, там, в глубине кровати,
Сознание древнее умею вмиг терять я;
Я слезы осушу среди моих грудей
И старикам могу смех подарить детей!

Я заменяю тем, пред кем явлюсь нагою,
И солнце, и луну, и небо со звездой!
Мудрец! Так опытна в любовных я делах,
Что стоит мне людей сжать в бархатных руках

Иль грудь распутную, прозрачную, литую
И робкую отдать укусам поцелуя,
Как даже Ангелы не могут в час ночной
На обмирающий тюфяк не пасть со мной!

Когда Страсть высосет мозг из костей, нежнее
К ней обратясь, чтоб вновь ей возвратить скорее
Любовный поцелуй, – я вижу пред собой
Край скользкий бурдюка. Его наполнил гной.

Глаза закрою я, от страха застывая;
Когда ж для ясности их вновь я открываю,
Вблизи меня, где был глупец, что полон сил,
Который в жилах кровь с избытком накопил,

Теперь остатки лишь дрожащего скелета,
И издают они скрип флюгера; иль это –
Лишь вывеска? Ее на ниточке стальной
Качает ветер в ночь холодную зимой!»

«КАК СЧАСТЛИВ ТОТ, КОМУ В ТРУДЕ ОТРАДА...»:

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ – ПЕРЕВОДЧИК БОДЛЕРА

Подававший большие надежды известный поэт-имажист Вадим Шершеневич своим творчеством не вписался в рамки, очерченные эпохой социалистического строительства, и уже во второй половине 1920-х годов вынужден был, как он выразился, «молчать – стихами». Вскоре прерывается его деятельность в качестве литературного и театрального критика, не проходят политическую цензуру пьесы, написанные им на современную тему, в самом начале 1930-х годов для его злободневных статей не находится место на страницах сатирических журналов. Мемуары «Великолепный очевидец: Поэтические воспоминания 1910–1925 гг.», редактируемые Шершеневичем по настоянию редакторов в течение 1932–1937 годов, остаются неопубликованными. Развернутая против него в тридцатые годы в Союзе писателей СССР, а также в ленинградских и столичных газетах клеветническая кампания только благодаря его самоотверженной защите не перешла в плоскость политических обвинений.

Выдержать изнурительную борьбу за свое творческое и даже, может быть, физическое выживание ему помогала переводческая деятельность. Она продолжалась в течение всей его жизни, начиная с первого сборника стихов

«Весенние проталинки» (1911 г.), где были напечатаны два стихотворных перевода с французского и немецкого языков. Переводы многочисленных либретто оперетт, ставившихся в различных столичных и провинциальных театрах, обеспечивали Шершеневичу достаточные условия существования. Но работа в области музыкальной драматургии, отнимая много времени, не давала ему удовлетворения. Он был поэтом и свое предназначение, свою миссию в сложившихся условиях видел в переводе поэзии. «Без стихов, – признавался Шершеневич в автобиографии, – нет ни культуры, ни жизни, ни революции». Ближе всего ему была французская поэзия, французских поэтов он любил и читал в подлиннике. Трудясь над переводами знаменитых поэтов Франции, он получал подлинное наслаждение и мог вслед за великим Бодлером сказать: «Как счастлив тот, кому в труде отрада...».

Работа над переводом стихотворений сборника «Цветы Зла» Ш. Бодлера была основной и самой важной в переводческой деятельности Шершеневича. Ей были отданы самые напряженные в творческом отношении годы. Он работал, не имея никакого заказа, реализуя свою давнюю мечту – перевести стихи выдающегося поэта Франции. Это была самая продолжительная его работа над крупным переводным произведением. Если над переводом трагедии П. Корнеля «Сид» он трудился полтора года, над переводом поэмы Э. Парни «Битва богов» – три года, то Бодлера Шершеневич переводил семь лет и продолжал заниматься редактурой текста до последних месяцев жизни.

Их связь закономерно продолжилась и после смерти Шершеневича. На Булыгинском кладбище Барнаула, где покоится поэт, на могильной плите поверх надписи «ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ / ПОЭТ / 1893 / 1942» можно было прочесть:

О тайна
 преобразования!
Все чувства,
 как одно, звучат!
Есть музыка в ее
 дыханьи,
А в голосе есть
 аромат!

Эти строки – не что иное, как цитата из переведенного Шершеневичем стихотворения Бодлера «Безраздельно». Кто был инициатором увековечивания памяти Шершеневича последней строфой этого стихотворения, по-видимому, останется тайной. И также, скорее всего, не удастся установить, кто поставил на листе сброшюрованной машинописи сборника «Цветы Зла», бывшей у поэта в Барнауле, жирную галочку у стихотворения «Безраздельно» и выделил слева скобой упомянутую последнюю строфу. На новом памятнике её нет.

Шершеневич начал переводить стихи Бодлера в 1933 году. К этому времени у него был накоплен солидный опыт перевода французской поэзии и исследований в области поэтики, он уверенно чувствовал себя, разбирая сложные поэтические тексты. Через четыре года он объявил, что имеет полный перевод «Цветов Зла»*. Однако первый вариант перевода его не удовлетворил, и он продолжил поиски. По его словам, в течение последующих лет работа по улучшению перевода продолжалась, и число подготовленных вариантов возросло до девяти. Шершеневичу были хорошо известны

* Об этом, в частности, он упомянул в письмах председателю ССП СССР В. П. Ставскому (3.04.1937) и заместителю заведующего Культпросветом А. И. Ангарову (4.04.1937).

переводы его предшественников. Правда, о выполненном Адрианом Ламбле полном переводе «Цветов Зла» (Париж, 1929) он, скорее всего, не знал. Во вступительной статье «От переводчика», открывающей данную публикацию, Шершеневич в сжатой, лаконичной форме характеризует эти переводы и называет главное требование, которого придерживался, – «сохранить в неприкосновенности форму стихов Бодлера». Здесь же он говорит о трудностях перевода, вытекающих из своеобразия поэзии Бодлера.

Интересно отметить, что критика по адресу переводчиков Бодлера не утихает и в наше время. В обстоятельной статье Е. В. Витковского, имеющей пространный подзаголовок «Заметки о том, как “Альбатрос” Шарля Бодлера около ста лет ковылял по палубе русской поэзии и что он претерпел за это время»*, на примере этого программного стихотворения проанализированы недостатки переводов Бодлера на русский язык. Подробно разобраны десять переводов «Альбатроса», предшествовавших работе Шершеневича, и один, выполненный после его смерти. Остановимся только на одном моменте – замеченном автором статьи отступлении от традиции, проявившемся в переводе Шершеневича и оставшемся тогда без пояснения. В первой строфе у всех переводчиков, кроме Шершеневича, говорится о ловле матросами, ради забавы, альбатросов, «доверчиво и царственно» парящих над кораблем, «вьющихся среди гибельных зыбей», «свободно реющих над морем» и т. п. В трактовке же Шершеневича матросам удается «словить» альбатросов, следующих за кораблем вплавь (!):

* Витковский Е. В. Очень крупная дичь, или Реквием по одной птице (заметки о том, как «Альбатрос» Шарля Бодлера около ста лет ковылял по палубе русской поэзии и что он претерпел за это время) // Литературная учеба. 1987. № 5. С. 169–175.

Для развлечения порой толпе матросов
Морских огромных птиц случается словить,
Дорожных спутников, ленивых альбатросов,
За судном любящих по горьким безднам плыть.

Что именно таких, плывущих за судном альбатросов, а не находящихся в полете, ловили с помощью удильца матросы, было хорошо известно во времена создания Бодлером знаменитого стихотворения. Много позднее, когда скорость морских судов увеличилась, подобные развлечения матросов уже не могли иметь места и прекратились*. Если в конце XIX века о них еще сообщали энциклопедии**, то в более поздних энциклопедических изданиях упоминания об этом отсутствуют. Перевод Шершеневичем первой строфы стихотворения «Альбатрос» в соответствии с реалиями времени его создания помогает передать дух этого поэтического произведения современникам. «Заоблачный владыка» – альбатрос – недосыгаем для матросов, пока он парит в воздухе, но стоит ему опуститься на воду и поплыть за кораблем в ожидании куска пищи, он легко становится объектом их издевательств. Так и поэт: пока в своем творчестве он уносится на крыльях вдохновения, для людской толпы он недосыгаем, но как только поэт опустится с

* Альбатросов «можно ловить только тогда, когда судно идет тихо, т.е. проходит всего 4–5 узлов в час» (Брем А. Э. Иллюстрированное издание «Жизнь животных» в десяти томах. Т. VI: Птицы. СПб.: Общественная польза и К, 1894. С. 204). Как тут не вспомнить забавную фразу Шершеневича: «Для поэта важнее один раз прочесть Брема, чем знать наизусть Потембю и Веселовского».

** «Он [альбатрос. – В.Д.] гонится, плывя за кораблем, и попадает на брошенную оттуда удочку» (Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. Т. Iа. Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1890. С. 494).

высот поэзии поближе к людям, его ожидают их насмешки и гонения.

Шершеневич сознавал, что стремление соединить в переводе всех стихотворений «Цветов Зла» форму и содержание, бережно сохранить все важные особенности подлинника, чревато издержками, которых ему при всем желании не удастся избежать, и поэтому не считал свою работу непогрешимой.

Он не делал тайны из своего упорного труда над переводом «Цветов Зла». Наоборот, он стремился познакомить с ним как своих коллег по переводческому цеху, так и широкий круг любителей французской поэзии. 15 января 1939 года Шершеневич читал свои переводы стихов Бодлера на декаднике секции поэтов в Клубе писателей. В марте следующего года переводам «Цветов Зла» Ш. Бодлера посвящается специальный вечер с приглашением всех желающих. «Литературная газета» (1940. 15 марта) писала: «На вечере присутствовало много поэтов и людей, любящих поэзию. Переводы читал В. Шершеневич. После каждого прочитанного стихотворения внимательные слушатели делились своими впечатлениями. Впрочем, это был не столько обмен впечатлениями, сколько обсуждение отдельных строк, отдельных слов, а иногда и отдельных поэтических интонаций <...>. Переводы В. Шершеневича вызвали много споров, но эти споры велись о деталях. В основном все выступавшие признали большую ценность его работы». На этом вечере было решено от имени переводчиков обратиться с письмом в Гослитиздат с настоятельной просьбой издать переводы. 12 ноября 1940 года Шершеневич читал переводы из Бодлера на собрании поэтов-переводчиков, посвященном французским лирикам XIX века. При жизни Шершеневичу удалось увидеть напечатанными только два сти-

хотворения из сборника «Цветы Зла» в своих переводах: «Лебедь» и «Каин и Авель»*.

Созданная после его смерти Комиссия по литературному наследству, отбирая материалы, пригодные для опубликования, отметила: «...2. Перевод “Цветов зла” Бодлера – Бодлер сам за себя отвечает, стихи замечательные, переводы ценные...»**. Великая отечественная война надолго прервала, но не остановила попыток издать «Цветы Зла» в переводе Шершеневича. Они возобновились в 1950-е годы.

Приближалась юбилейная дата – столетие со дня выхода в свет первого издания сборника «Цветы Зла» Ш. Бодлера. Поэт Павел Антокольский, знавший о существовании перевода Шершеневича и высоко оценивавший его качество, написал в Гослитиздат на имя заведующего Отделом иностранной литературы письмо с предложением об его опубликовании:

«Дорогой товарищ Емеляников!

Очень и очень прошу Вас отнестись с вниманием и интересом к представляющейся возможности опубликовать полный перевод “Цветов зла” Ш. Бодлера, сделанный покойным Вадимом Габриэлевичем Шершеневичем незадолго до его смерти.

Это – серьезная работа, результат любви к Бодлеру, полного понимания оригинала, контакта с поэтом.

Мне кажется, что Ваша редакция при всех условиях (редплан, другие предположения и т. д.) должна заинтересоваться этой большой работой нашего товарища.

* Красная новь. 1940. № 5–6 (май–июнь). С. 128–130.

** РГАЛИ. Ф. 2145. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 4.

Особое значение должно иметь, конечно, и то, что она является его посмертной работой, будет опубликовываться посмертно.

Автор за себя уже ничего не может сказать. Вот я и решаюсь обратиться к Вам за него.

Глубоко надеюсь на Вашу чуткость!

Преданный Вам

П. Антокольский

20 августа 1956 г.»*.

Реакция на это письмо Отдела иностранной классической литературы неизвестна. Письмо П. Антокольского было возвращено вдове Шершеневича М. М. Волковой. В следующем году было принято решение от лица Комиссии по литературному наследству Вадима Шершеневича обратиться за помощью в Московское отделение СП СССР:

«Правление Московского отделения
Союза писателей

Комиссия по литературному наследству покойного поэта Вадима Шершеневича отмечает, как наиболее интересную работу поэта, в первую очередь полный перевод «ЦВЕТОВ ЗЛА» – ШАРЛЯ БОДЛЕРА.

Мы находим, что это мастерская работа и ее следовало бы напечатать, в особенности в связи с исполняющимся в текущем году столетием со дня опубликования «ЦВЕТОВ ЗЛА» на французском языке.

Просим оказать этому делу возможную поддержку перед Гослитиздатом.

* Письмо, подписанное П. Антокольским, и копия, машинопись (частное собрание, Москва).

В случае, если Гослитиздат имеет намерение издать «ЦВЕТЫ ЗЛА» Бодлера, будет справедливо представить их читателю в переводе Вадима Шершеневича.

Комиссия по литературному наследству
поэта Вадима Шершеневича

Михаил Светлов
В. Г. Финк
М. Волкова-Шершеневич».

Это обращение Комиссии было направлено в Гослитиздат с сопроводительным письмом*:

«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
Московское отделение

Москва Г-69, ул. Воровского, д. № 50
№ 140

22 февраля 1957 г.
ГОСЛИТИЗДАТ
Зав. Отделом иностранной
классической литературы
тов. С. П. ЕМЕЛЯНИКОВУ

Уважаемый Сергей Павлович!

Президиум Московского отделения Союза писателей СССР препровождает Вам письмо комиссии, назначенной нами для изучения литературного наследия поэта Вадима

* Письмо на бланке Союза писателей СССР, подписанное Е. Долматовским (частное собрание, Москва).

ма Шершеневича, и просит Вас учесть заключение комиссии при рассмотрении вопроса о печатании произведений Ш. Бодлера.

Заместитель председателя
Президиума правления МО СП СССР
(Е. Долматовский)».

Письма не помогли решить вопроса об издании «Цветов Зла» в переводе Шершеневича. Это было время негативного отношения к нему и как к поэту, и как к личности. После своей естественной смерти он оставался опальным поэтом. Уголовное дело по обвинению в сотрудничестве с партией анархистов, возбужденное против него еще в 1919 году (тогда он был отдан на поруки), не было закрыто. Лишь в 1995 году он был реабилитирован в связи с этим делом. Поэтому неудивительно, что даже на обращения вдовы поэта М. М. Волковой в редакции литературных журналов с просьбой напечатать хотя бы краткую заметку о Шершеневиче в годовщину его смерти приходил циничный ответ: «печатать нецелесообразно».

Годы литературного забвения талантливого поэта-переводчика продолжились. В 1965 году в издательстве «Художественная литература» вышла книга «Бодлер Шарль. Лирика. Переводы с французского». Среди пятнадцати переводчиков нет имени Вадима Шершеневича. Через пять лет под редакцией Н. И. Балашова и И. С. Поступальского и в серии «Литературные памятники» вышла в свет книга «Цветы Зла» Ш. Бодлера (изд-во «Наука»). В ней помещены переводы с французского почти сорока переводчиков. Но и на этот раз для работ Шершеневича места не нашлось. Лишь один голос прозвучал в защиту его творчества. На состо-

явшемся в 1971 году в Доме литераторов обсуждении этой книги Е. В. Витковский выразил сожаление, что составители ни в какой мере не использовали неизданный перевод Шершеневича.

Желание познакомить читателя с главным переводческим произведением Вадима Шершеневича основывается на глубоком убеждении, что этот его труд важен для истории литературы как первый и единственный в России полный перевод «Цветов Зла» Ш. Бодлера, сохраняющий форму оригинала.

* * *

Несколько слов об особенностях данного издания.

Из ряда французских изданий «Цветов Зла» Ш. Бодлера, отличающихся и количеством помещенных стихотворений, и их расположением по тексту, Шершеневич остановился на подарочном иллюстрированном издании:

CHARLES BAUDELAIRE. LES FLEURS DU MAL / Vingt-sept compositions par Georges Rochegrosse, gravées a l'eau-forte par Eugène Decisy. PARIS. LIBRAIRIE DES AMATEURS A. FERROUD. – F. FERROUD, 1910.

Из корпуса переведенных стихотворений он выделил в отдельный раздел шесть из них – те, что были изъяты по приговору суда из первого издания. В результате нумерация стихотворений (арабская) в переводе Шершеневича расходится с нумерацией стихов (римские цифры) в упомянутом французском издании. Для каждого из шести последних стихотворений переводчик использовал, помимо порядкового номера, дополнительный номер, указывающий, где это стихотворение стояло во французском тексте. Например дополнительный номер 19а означает, что

изъятое стихотворение помещалось за стихотворением с порядковым номером 19.

Работа над переводом «Цветов Зла» запечатлена в нескольких отдельных документах. Помимо последнего варианта перевода «Цветов Зла», предназначенного для опубликования, имеются еще три ранних варианта. Два из них поступили в РГАЛИ от вдовы Шершеневича М. М. Волковой, два другие остались у нее и в настоящее время находятся в частном собрании. При подготовке настоящего издания был осуществлен просмотр и сличение всех вариантов. В результате оказалось, что самым ранним является автограф черного перевода с правкой как отдельных строф, так и стихов. Он хранится в РГАЛИ (Ф. 2145. Оп. 1. Ед. хр. 12). Следующий по времени создания вариант – машинопись с правкой, сделанной рукой переводчика, – находится в частном собрании. Далее следует машинописный вариант, в печатном тексте которого учтена предыдущая правка и, помимо этого, рукой переводчика сделана правка стихотворений и отдельных строф (РГАЛИ. Ф. 2145. Оп. 1. Ед. хр. 13). И, наконец, самый поздний вариант перевода – машинопись, в которой учтены при печати все правки предыдущего варианта и по всему тексту рукой переводчика сделана незначительная новая правка (хранится в частном собрании).

Основой для публикации книги Шарля Бодлера «Цветы Зла» в переводе Вадима Шершеневича послужил последний вариант перевода, на котором его работа завершилась (частное собрание, Москва). Тексты публикуются по правилам современной орфографии и пунктуации. Нумерация стихотворений арабскими цифрами и выделение в отдельный раздел стихотворений, изъятых по приговору суда из первого издания, оставлены. Поскольку названия стихотворений в публикуемом сборнике «Цветы Зла» в пе-

реводе Шершеневича не всегда соответствуют их названиям у других переводчиков, для удобства сопоставления различных переводов по тексту в угловых скобках приведены названия стихотворений на языке оригинала. Найденные явные опечатки машинописи исправлены в тексте без оговорок. Что касается комментария, то читатель отсылается к доступным многотиражным изданиям прошлых лет (Бодлер Ш. Цветы Зла / Подгот. изд. Н. И. Балашова и И. С. Поступальского. М.: Наука (серия «Литературные памятники»), 1970; Бодлер Ш. Цветы Зла. Стихотворения в прозе. Дневники / Сост., вступ. ст. Г. К. Косикова, коммент. А. Н. Гиривенко, Е. В. Баевской, Г. К. Косикова. М.: Высшая школа, 1993) или вышедшему десять лет назад: Бодлер Ш. Цветы Зла: Сборник / Сост. Е. Витковского, В. Резвого. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2006. – На франц. яз. (с параллельным русским текстом).

Издатели считают приятным долгом поблагодарить сотрудников Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино, а также Музея книги РГБ, оказавших помощь при подготовке издания перевода сборника Бодлера «Цветы Зла» с иллюстрациями французских художников Антуана Жоржа Рошгросса и Эжена Десизи.

В. А. Дроздов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От переводчика</i>	5
-----------------------------	---

~ ЦВЕТЫ ЗЛА ~

Вступление	11
------------------	----

~ ХАНДРА И ИДЕАЛ ~

1. Благословение	15
2. Альбатрос	19
3. Возношение	20
4. Соответствия	22
5. «О тех нагих веках...»	23
6. Маяки	25
7. Больная муза	28
8. Продажная муза	29
9. Дурной монах	30
10. Враг	31
11. Неудача	32
12. Прежняя жизнь	33
13. Цыгане в пути	34
14. Человек и море	36
15. Дон Жуан в аду	37
16. Теодору де Банвилю	39
17. Посрамление спеси	40
18. Красота	42
19. Идеал	43
20. Гигантка	44

21. Маска	45
22. Гимн красоте	48
23. Экзотический запах	50
24. Шевелюра	52
25. «Тебя, как небосвод...»	54
26. «Ты всю вселенную...»	55
27. <i>Sed non satiata</i>	56
28. «Как перламутр, волнист...»	57
29. Пляшущая змея	58
30. Падаль	61
31. <i>De profundis clamavi</i>	64
32. Вампир	65
33. «Я эту ночь провел...»	67
34. Посмертные укоры	68
35. Кошка	69
36. <i>Duellum</i>	70
37. Балкон	72
38. Одержимый	74
39. Видение	75
40. «Тебя пою в стихах...»	79
41. <i>Semper eadem</i>	80
42. Безраздельно	81
43. «Что скажешь вечером...»	83
44. Живой факел	84
45. Возвратимость	85
46. Признание	87
47. Духовная заря	90
48. Гармония вечера	92
49. Флакон	93
50. Яд	95
51. Пасмурное небо	97
52. Кот	98
53. Прекрасная шляпка	101

54. Приглашение к путешествию	103
55. Невозвратимое	105
56. Болтовня	108
57. Осенняя песнь	109
58. Мадонне	111
59. Полдневная песнь	114
60. Сизина	118
61. Стихи к портрету Оноре Домье	119
62. Похвалы моей Франциске	120
63. Креолке	123
64. Mœsta et errabunda	124
65. Призрак	126
66. Сонет осени	127
67. Грусть луны	128
68. Коты	129
69. Совы	130
70. Трубка	131
71. Музыка	132
72. Погребение отверженного поэта	133
73. Фантастическая гравюра	134
74. Веселый мертвец	135
75. Бочка ненависти	136
76. Разбитый колокол	137
77. Хандра («Февраль, что ненависть...»)	138
78. Хандра («Так много помню я...»)	139
79. Хандра («Я схож с царем страны...»)	142
80. Хандра («Когда в тисках хандры...»)	143
81. Неотступность	145
83. Жажда небытия	146
80. Алхимия скорби	147
84. Отрадный ужас	148
85. Трубка мира	149
86. Молитва язычника	154

87. Крышка	155
88. Непредвиденное	156
89. Испытание полночи	159
90. Печальный мадригал	161
91. Предостерегатель	164
92. Малабарке	165
93. Голос	167
94. Гимн	169
95. Непокорный	172
96. Глаза Берты	173
97. Фонтан	174
98. Оброк	177
99. Далеко отсюда	178
100. Закат романтического солнца	179
101. К картине Эжена Делакруа «Тассо в темнице»	180
102. Пропать	181
103. Жалобы Икара	182
104. Сосредоточенность	184
105. Самобичеванье	185
106. Неисцелимое	187
107. Часы	190

~ ПАРИЖСКИЕ КАРТИНЫ ~

108. Пейзаж	195
109. Солнце	197
110. Лола де Валанс	199
111. Оскорбленная луна	200
112. Рыжей нищенке	201
113. Лебедь	204
114. Семь стариков	207
115. Маленькие старушки	210

116. Слепцы	215
117. Прохожей	216
118. Скелет-землепашец	218
119. Вечерние сумерки	220
120. Игра	222
121. Пляска смерти	224
122. Любовь заблуждения	228
123. «Я не забыл тебя...»	230
124. «Служанка старая...»	231
125. Туманы и дожди	232
126. Парижская мечта	233
127. Утренние сумерки	237

~ ВИНО ~

128. Душа вина	241
129. Вино тряпичников	243
130. Вино убийцы	246
131. Вино отшельника	249
132. Вино любовников	250

~ ЦВЕТЫ ЗЛА ~

133. Эпиграф к осужденной книге	253
134. Разрушение	255
135. Мученица	256
136. Осужденные женщины	260
137. Две добрые сестры	262
138. Фонтан крови	263
139. Аллегория	264
140. Беатриче	266

141. Поездка на Киферу	268
142. Амур и череп	271

~ ВОЗМУЩЕНИЕ ~

143. Отречение святого Петра	275
144. Авель и Каин	278
145. Литания Сатане	281

~ СМЕРТЬ ~

146. Смерть любовников	289
147. Смерть бедняков	291
148. Смерть художников	292
149. Конец дня	293
150. Мечта любопытного	294
151. Путешествие	296

**СТИХОТВОРЕНИЯ, ИЗЪЯТЫЕ ПО ПРИГОВОРУ СУДА
ИЗ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ**

152 (19а). Игрушки	307
153 (32а). Лета	309
154 (43а). Слишком веселой	311
155 (135а). Остров Лесбос	313
156 (135б). Осужденные женщины	317
157 (140а). Превращения вампира	322

<i>В. А. Дроздов.</i> «Как счастлив тот, кому в труде отрада...»: Вадим Шершеневич – переводчик Бодлера	324
--	-----

УДК 821.133.1
ББК 84 (4Фра)
Б75

Иллюстрации
Антуана Жоржа Рошгросса и Эжена Десизи

Художник *О. Сетринд*

Подготовка текста и послесловие
В. А. Дроздова

ISBN 978-5-91763-361-9

© В. Дроздов, послесловие, 2017

© О. Сетринд, оформление, 2017

© Издательство «Водолей», оформление, 2017

Шарль Бодлер

Цветы Зла

Перевод Вадима Шершеневича

Технический редактор А. Ильина
Корректор Н. Федотова

Подписано в печать 28.02.17. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая. Печ. л. 10,75

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30

